557 8/13

Т. БОГДАНОВИЧЪ.

Б51 8/13

127/26

АЛЕКСАНДРЪ I.

Историко-біографическій очеркъ.

МОСКВА.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА"
В. Антикъ и К°.

285130

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова, преемн. И. С. Еф
Большая Якиманка, соб. домъ.
1914.

Б 51 8/23 Александръ I

ГЛАВА I.

Воцареніе Александра. Свѣтлые дни

«Страхъ, въ которомъ всѣ мы живемъ, неописуемъ,—писалъ въ концѣ 1800 года графъ Кочубей князю Воронцову.—Люди боятся собственной тѣни. Всѣ дрожатъ. Доносы дѣло обычное: вѣрны они или невѣрны, вѣрить всему. Всѣ крѣпости переполнены арестантами. Всѣми овладѣла глубокая тоска. Люди уже не знаютъ, что такое удовольствіе... Получая новую должность, всякій готовится черезъ три или четыре дня быть высланнымъ и говоритъ себѣ: мнѣ нужно постараться завтра получить въ подарокъ крестьянъ. Всѣхъ насъ мучаютъ невѣроятнымъ образомъ. Надобно опасаться, что приближенные къ государю лица, которымъ приходится хуже всего, выкинутъ что-нибудь отчаянное. Не думайте, — прибавляетъ дальше Кочубей, — что я что-нибудь преувеличиваю, напротивъ, я о многомъ умалчиваю, такъ какъ это показалось бы вамъ невѣроятнымъ».

Дѣйствительно, въ этой характеристикѣ послѣднихъ мѣсяцевъ царствованія Павла не было ни малѣйшей доли преувеличенія, и недолго пришлось ждать осуществленія предсказанія Кочубея. Ужасъ, наводимый на всѣхъ императоромъ Павломъ, достигъ такого напряженія, что катастрофа стала неизбѣжной, и она разразилась 11-го марта 1801 года. Въ ней, какъ и предполагалъ Кочубей, приняли участіе наиболѣе приближенные къ императору лица, и совершили они ее во имя того, къ кому и при естественномъ

ходѣ вещей долженъ былъ перейти престолъ.

Зналъ ли Александръ Павловичъ о заговорѣ противъ его отца? Несомнѣнно зналъ. Заговорщики, и прежде всего графъ Панинъ, не могли рѣшиться устранить императора, не заручившись согласіемъ великаго князя занять престолъ. Послѣ долгихъ колебаній великій князь далъ это согласіе. Подъ вліяніемъ разговоровъ сначала съ Панинымъ, а потомъ съ Паленомъ, Александръ пришелъ къ убѣжденію, что его долгъ спасти страну и близкихъ отъ растущаго безумія его отца.

Но о томъ, что заговоръ будетъ стоитъ жизни Павлу, Александръ могъ не знать. Это обстоятельство не было предрѣшено и самими заговорщиками. Вслухъ обсуждалась лишь необходимость заставить императора отречься отъ престола въ пользу старшаго сына, и Александръ, даже не лицемѣря передъ собой, могъ допускать, что этимъ дѣло и ограничится.

Случилось иначе. Роковая ночь съ 11-го на 12 марта закончила не только царствованіе, но и жизнь императора Павла. Но убійство, совершившееся въ эти часы, казалось, только завершило злополучное царствованіе Павла. Эта ночь принадлежала еще прошлому и ушла вмѣстѣ съ нимъ. Кровавая тѣнь отъ нея упала, казалось, назадъ, а не впередъ. Утро встало ясное и радостное. Утро новой жизни. Вмѣстѣ съ ночными тѣнями отошли страшные призраки того, что только вчера было жестокою дѣйствительностью.

Едва вѣря себѣ, узнавало населеніе столицы, что царство ужаса кончилось. Не время было думать, какъ оно кончилось. Достаточно было того, что его больше нѣтъ, что на мѣстѣ короткой и тяжелой фигуры, въ ботфортахъ и съ неизмѣнной тростью, наверху всталъ кроткій и привлекательный образъ юноши, одушевленнаго самыми прекрасными намѣреніями, юноши, къ кото-

рому влекло всѣ сердца уже изъ-за одной той явной непріязни и подозрительности, съ какой относился къ нему отецъ.

12 марта дѣйствительно казалось всѣмъ праздникомъ освобожденія, началомъ свѣтлыхъ радостныхъ дней, олицетвореніемъ которыхъ былъ самъ молодой императоръ.

«Яркое солнце взошло надъ этимъ роковымъ и великимъ днемъ,—пишетъ княгиня Ливенъ...— Въ столицѣ раздавались клики радости и освобожденія. Улицы Петербурга наполнились толпами.

«Незнакомые цѣловались другъ съ другомъ, какъ на Пасхѣ, да и, дѣйствительно, это было воскресеніе всей Россіи къ новой жизни. Все устремилось къ Зимнему дворцу. Тамъ въ полдень назначенъ былъ съѣздъ сенату, высшимъ сановникамъ имперіи, двору, офицерству и чиновничеству для принесенія присяги новому императору».

Во дворцѣ все уже было готово къ торжественному пріему. И, что бы ни переживали дѣйствующія лица ночной драмы,—по внѣшности все было спокойно и не вызывало никакихъ слѣдовъ испытанныхъ волненій.

«Молодой императоръ (ему было всего 23 года), — разсказываетъ далѣе княгиня Ливенъ, — сдѣлалъ выходъ съ императрицею Елизаветою. Она тогда была юна и очень красива, обладала большимъ изяществомъ и достоинствомъ, и въ простенькомъ кисейномъ платьицѣ, безъ всякаго головного убора, съ свѣтлыми кудрями, разсыпавшимися по плечамъ, была очень мила, и это тѣмъ болѣе, что обладала чудною фигурою, изящною походкою и манерами. Императоръ тоже былъ красавецъ и сіялъ молодостью и той душевной ясностью, которая составляла его отличительное свойство. Вообще эта парочка производила чарующее впечатлѣніе, и все передъ нею

склонялось, окружая ее любовью, граничавшей съ боготвореніемъ.

«Среди всеобщихъ ликованій не было мѣста ни сожалѣніямъ, ни размышленіямъ, и только вдова императора Павла замкнулась въ свое личное горе».

Съ иной точки зрѣнія, но въ общемъ тѣми же самыми чертами описываетъ этотъ знаменательный день полковникъ Саблуковъ, относившійся крайне отрицательно къ заговору и его исполнителямъ.

«Слѣдующій же день послѣ ужасныхъ событій 11-го марта,—пишетъ Саблуковъ,—наглядно показалъ все легкомысліе и пустоту столичной и военной публики того времени. Одною изъ главныхъ жестокостей, въ которыхъ обвиняли Павла, считалась его настойчивость и строгость относительно старомодныхъ костюмовъ, прическъ, экипажей и т. п. мелочей. Какъ только извѣстіе о кончинѣ императора распространилось въ городѣ, немедленно же появились прически à la Titus, исчезли косы, обрѣзались букли и панталоны; круглыя шляпы и сапоги съ отворотами наполнили улицы. Дамы, также не теряя времени, облеклись въ новые костюмы, и экипажи, имѣвшіе видъ старыхъ нѣмецкихъ или французскихъ attelages, исчезли, уступивъ мѣсто русской упряжи, съ кучерами въ національной одеждѣ и съ форейторами (что было строго запрещено Павломъ), которые съ обычной быстротой и криками понеслись по улицамъ. Это движеніе, вдругъ сообщенное всѣмъ жителямъ столицы, внезапно освобожденнымъ отъ строгостей полицейскихъ постановленій и уличныхъ правилъ, дѣйствительно, заставило всѣхъ ощущать, что съ рукъ ихъ, словно по волшебству, свалились цѣпи и что нація, какъ бы находившаяся въ гробу, снова вызвана къ жизни и движенію».

Ближайшіе дни показали, что всеобщая радость была не напрасна.

На населеніе, конечно, прежде всего подѣйствовала отмѣна различныхъ мелкихъ стѣсненій, которыми Павелъ сумѣлъ сковать жизнь, особенно въ Петербургѣ.

«Не были обязаны снимать шапки передъ Зимнимъ дворцомъ... Не были обязаны выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ императоромъ... и т. п. Александръ ежедневно гулялъ пѣшкомъ по набережной въ сопровожденіи одного только лакея; всѣ тѣснились къ нему, всѣ дышали свободно. У него спрашивали, должно ли размѣстить во дворцѣ пикеты, какъ при его отцѣ.— Зачѣмъ?—отвѣтилъ онъ,—я не хочу понапрасну мучить людей. Вы сами лучше знаете, къ чему послужила эта предосторожность моему отцу».

Но этими мелкими перемѣнами дѣло не ограничилось. Съ первыхъ же дней почувствовался и болѣе крупный поворотъ. «Императоръ поѣхалъ въ Сенатъ,—писалъ Коцебу,—чего Павелъ никогда не дѣлалъ, снова назвалъ его Правительствующимъ и издалъ много указовъ о помилованіи. Вернулъ изъ Сибири невинныхъ, туда сосланныхъ, освободилъ 152 несчастныхъ... Отмѣнилъ, кромѣ того, много наказаній и возстановилъ всѣ права народа». Если и не всѣ, то во всякомъ случаѣ многія права были, дѣйствительны, возстановлены.

Было снято запрещеніе съ вывоза разныхъ товаровъ за границу и съ привоза въ Россію заграничныхъ товаровъ; объявлена амнистія бѣглецамъ, скрывавшимся въ чужихъ странахъ, разрѣшено русскимъ безпрепятственно выѣзжать за границу, а иностранцамъ въѣзжать въ Россію. Была уничтожена Тайная экспедиція и былъ изданъ важный указъ, запрещавшій продажу крѣпостныхъ людей безъ земли.

Но самой важной изъ этихъ первыхъ мѣръ Александра былъ знаменитый указъ о пыткахъ. Пытка при дознаніи и судебномъ слѣдствіи составляла въ то время обычное явленіе, и созна-

ніе обвиняемаго, исторгнутое подъ вліяніемъ истязаній, являлось сплошь и рядомъ основаніемъ для преданія его суду или для обвиненія. Александра чрезвычайно поразило одно разбиравшееся въ первые мѣсяцы его царствованія въ Казани дѣло, во время котораго невинный, какъ потомъ оказалось, человѣкъ подъ вліяніемъ пытокъ оговорилъ себя и умеръ подъ плетями. Когда это было выяснено, императоръ далъ Сенату указъ, строжайшимъ образомъ воспрещавшій пытки и оканчивавшійся слѣдующими прекрасными словами: «Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основамъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать по всей Имперіи строжайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставляется ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, что въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытка,—стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее,—изглажено было навсегда изъ памяти народной».

На 15-е сентября 1801-го года была назначена коронація императора Александра. Императоръ долженъ былъ прибыть въ столицу дней за десять до назначеннаго срока и принять участіе въ празднествахъ, приготовляемыхъ москвичами по этому поводу. Вся Москва съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда молодого государя. Наконецъ,

разнесся слухъ, что царскій поѣздъ приближается. Сейчасъ же весь городъ оживился. «Толпы народа,—пишетъ баронъ Вигель,—бросились за заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу; туда послѣ обѣда прибылъ государь съ молодою супругою... При видѣ молодой вѣнценосной четы всѣ онѣмѣли отъ радости и удивленія; одни лишь взоры выказывали благоговѣйную любовь. Я помню, къ зятю моему пріѣхалъ въ этотъ день другой полицеймейстеръ, Ивашкинъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петровское для сохраненія порядка. Они собирались, какъ на пиръ: не было и тѣни того страха, той суетливости, съ какою ожидаютъ прибытія даже обыкновеннаго начальника.

«На другой день, возвращаясь пѣшкомъ изъ архива и выходя на Тверскую улицу, увидѣлъ я группы людей, разговаривавшихъ съ живостью; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, я узналъ слѣдующее. Государю вздумалось прогуляться одному верхомъ по московскимъ улицамъ; его узнали, къ нему кинулись, его окружили, такъ сказать, стиснули, но не заслоняя ему пути и не замедляя его. Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ своего младенца. Ни крику, ни шуму, но сквозь легкій шопотъ услышалъ онъ вокругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное наше солнышко», и все, что въ простонародномъ языкѣ нашемъ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, одежда, сбруя, все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностью».

Остававшіеся до коронаціи дни прошли въ празднествахъ и увеселеніяхъ, причемъ императоръ всюду появлялся одинъ или съ Елизаветой Алексѣевной безъ всякой охраны и довѣрчиво вмѣшивался въ народныя толпы. Наконецъ, насталъ и день коронаціи. Вся Москва стремилась

въ Кремль, но онъ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ, такъ что впускали туда только по билетамъ. Однако, и имѣвшихъ билеты набралось такое множество, что они лишь съ трудомъ могли пробраться на Красную площадь. Многіе предусмотрительные люди, чтобы занять мѣста получше, отправились въ Кремль наканунѣ съ вечера. Семейство барона Вигеля выѣхало изъ дома тоже еще ночью.

«Въ 3 или 4 часа пополуночи,—пишетъ онъ въ своихъ запискахъ,—отправились мы въ каретѣ съ матерью и двумя сестрами... Странная была эта ночь; сырая мгла лежала на небѣ и на землѣ; стукъ каретъ останавливался у въѣзда въ Кремль, а онъ наполнялся войскомъ и разнаго званія людьми, и, несмотря на то, царствовали въ немъ глубокій мракъ и совершенная тишина. Мало-па-малу начали увеличиваться глухой шумъ и невнятный говоръ. Когда стало свѣтать, туманъ разсѣялся; но солнце еще не показывалось. Мы могли видѣть только то, что происходило внѣ храма. Когда императоръ изъ дверей его выступилъ въ коронѣ, то солнечный блескъ внезапно освѣтилъ ее и всю величественную процессію, которая довольно близко мимо насъ потянулась. Въ то же мгновеніе громогласное ура, громъ пушекъ и звонъ тысячи колоколовъ раздался въ воздухѣ; все было ослѣпительно и оглушительно въ эти четверть часа, все было радостно, трогательно и восхитительно».

Въ эти минуты Александръ казался, дѣйствительно, какимъ-то посланникомъ Божьимъ, сошедшимъ на землю для умиротворенія изстрадавшейся Россіи.

«Какъ онъ хорошъ! Какой ангелъ!—проносилось въ толпѣ, — разсказываетъ Снѣгиревъ. — Красота Александра выступала еще ярче въ присутствіи цесаревича Константина Павловича, отчасти напоминавшаго своей наружностью Импе-

ратора Павла. Въ лицѣ государя было болѣе задумчивости, робости, чѣмъ смѣлости, онъ какъ бы чувствовалъ всю важность, всю тягость царской власти, которую принялъ. Не съ самонадѣянностью и гордымъ величіемъ шелъ онъ, не страхъ внушали его взгляды, кроткіе привѣтливые, а безпредѣльную любовь, сочувствіе, готовность къ самопожертвованію. Каждый мысленно ободрялъ его: «Смѣлѣе! смѣлѣе! Вѣрь, что господство дикой власти менѣе надежно, чѣмъ господство разума, что проявленія благотворнаго добра въ нравственной жизни народа такъ же необходимо, какъ проявленіе солнечной теплоты въ царствѣ растительномъ. Смѣлѣе! смѣлѣе— Богъ милостивъ, мы за тобой». Платонъ съ крестомъ въ рукахъ велъ помазанника; раздѣляя съ народомъ восторгъ и слезы умиленія, онъ сказалъ, указывая на вѣнценосца: «Посмотрите, православные, какимъ васъ Богъ наградилъ царемъ,—прекрасенъ и лицомъ, и душою!»

«Это человѣкъ необыкновенный,—говоритъ объ Александрѣ другой очевидецъ этого момента, Макаровъ,—въ немъ юность, красота, величество въ одной точкѣ, въ одномъ градусѣ высшаго совершенства; онѣ никакъ не раздѣлены, между ними нѣтъ и тѣни отличій того или другого въ неравенствѣ. Нашъ государь,—повторяю я,—человѣкъ единственный; другого ему подобнаго человѣка едва ли возможно найти въ свѣтѣ».

Императоръ Александръ, особенно въ эти первые годы своего царствованія, обладалъ какимъ-то особеннымъ даромъ очарованія. На всѣхъ, кто только видѣлъ его, онъ производилъ впечатлѣніе исключительной душевной красоты и чистоты. Казалось, никакое низкое побужденіе, никакое фальшивое чувство не могло скрываться за этимъ глубокимъ, проникновеннымъ взглядомъ, за этимъ яснымъ бѣлымъ лбомъ.

А между тѣмъ, это только казалось.

Александръ съ ранняго дѣтства росъ подъ двумя противоположными вліяніями: властной бабушки, Екатерины Великой, которая стремилась внушить ему свои взгляды, подготовить изъ него продолжателя своей политики, и самодура-отца, главнымъ принципомъ котораго было—поступать во всемъ наперекоръ своей матери. Мальчикъ, робкій и несамостоятельный отъ природы, принужденъ былъ, чтобы избѣжать постоянныхъ непріятностей, все время играть двойную игру, лавировать между отцомъ и бабушкой. При этомъ и внутренне онъ не могъ стать опредѣленно ни на ту, ни на другую сторону. Широкія идеи Екатерины увлекали его, и онъ съ жадностью воспринималъ тѣ умственныя богатства, къ которымъ она открывала ему доступъ, но въ то же время его отталкивалъ деспотизмъ и суровость, съ какими она относилась къ своему сыну. Отецъ казался ему несправедливо обиженнымъ, и онъ внутренно становился во многомъ на его сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не могъ сочувствовать безсильной ярости отца противъ Екатерины, и не могъ не видѣть безсмысленности многихъ увлеченій Павла. Но ни въ Петербургѣ, ни въ Гатчинѣ онъ не рѣшался проявлять своихъ истинныхъ чувствъ, и, такимъ образомъ, случилось, что Екатерина смотрѣла на него, какъ на своего естественнаго преемника, а Павелъ былъ увѣренъ, что сынъ всей душой принадлежитъ ему. Во время своего затворничества въ Гатчинѣ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины, Павелъ требовалъ, чтобы Александръ былъ неотлучно при немъ, когда только императрица отпускала его отъ себя, и пунктуально выполнялъ всѣ требованія гатчинскаго этикета и дисциплины. Мало того, онъ настаивалъ, чтобы Александръ окружалъ себя тѣми людьми, которымъ Павелъ особенно довѣрялъ и больше всего добивался, чтобы его сынъ сблизился съ Аракчеевымъ, такъ какъ его онъ считалъ едва ли не

единственнымъ, «безъ лести преданнымъ» себѣ человѣкомъ.

И Александръ безпрекословно выполнялъ всѣ эти требованія и, можно было подумать, выполнялъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. По крайней мѣрѣ, его отношенія съ Аракчеевымъ въ это время носили характеръ самой тѣсной дружбы. Чуть не ежедневно онъ писалъ тому письма, наполненныя самыми горячими увѣреніями въ дружбѣ. Вскорѣ послѣ коронованія Павла, Александръ долженъ былъ поѣхать по Россіи, въ сопровожденіи Аракчеева. Получивъ извѣстіе объ этомъ, онъ пишетъ Аракчееву: «Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женой, которую мнѣ, признаюсь, жаль покинуть. Одно у меня безпокойство—это твое здоровье. Побереги себя ради меня».

Такого рода письма Аракчеевъ получалъ отъ наслѣдника во все время царствованія его отца. А, между тѣмъ, когда 1-го октября 1799 года Аракчеевъ былъ уволенъ въ отставку, и Александръ узналъ объ этомъ, какъ это всегда бывало при Павлѣ, совершенно неожиданно, во время вахтъ-парада, онъ спросилъ только, кто будетъ его преемникомъ и что это за человѣкъ. Услышавъ, что это Амбразанцевъ, человѣкъ вполнѣ порядочный, онъ замѣтилъ:

— Ну, слава Богу! Эти назначенія настоящая лоттерея; могли бы попасть опять на такого же мерзавца, какъ Аракчеевъ.

А двѣ недѣли спустя, 15-го октября, Александръ писалъ этому «мерзавцу».

«Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нѣтъ нужды при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣренія о моей непрестанной дружбѣ. Ты имѣлъ довольно опытовъ о ней, и я увѣренъ, что ты о ней не сомнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится».

чувства человѣка, который почти одновременно говорилъ и писалъ такія вещи.

Въ первые свѣтлые дни царствованія рядомъ съ Александромъ, такая же обаятельная и прекрасная, стояла молодая царица. Они какъ бы дополняли другъ друга, создавая впечатлѣніе настоящей супружеской идилліи. Но это была непрочная иллюзія.

Бракъ Александра I былъ всецѣло дѣломъ Екатерины. Она хотѣла во что бы то ни стало при своей жизни женить любимаго внука и нашла ему невѣсту, когда онъ былъ еще пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Невѣста, баденская принцесса Луиза, была тоже совершеннымъ ребенкомъ, тринадцати лѣтъ. Хорошенькая, привѣтливая дѣвочка очаровала всѣхъ при русскомъ дворѣ, очаровала и строгую императрицу. Александръ Павловичъ, которому со всѣхъ сторонъ твердили, что молодая принцесса само совершенство и точно создана для него, безъ труда плѣнился ею; онъ вообще легко подчинялся вліяніямъ и охотно шелъ въ томъ направленіи, въ которомъ его подталкивали. Дѣло было рѣшено безъ колебаній и промедленій; черезъ полгода принцессу Луизу обратили въ православіе, назвавъ ее Елизаветой Алексѣевной, а черезъ годъ молодыхъ людей повѣнчали.

По всѣмъ вѣроятіямъ, первое время Александръ Павловичъ былъ влюбленъ въ свою молоденькую жену, такъ же, какъ и она въ него. Но съ ея стороны эта влюбленность перешла въ глубокую и сильную любовь, которая составляла главное содержаніе всей ея внутренней жизни и принесла ей много серьезныхъ страданій, а для него это было лишь мимолетное увлеченіе, не проникшее за ту броню сердечнаго холодка, который отдѣлялъ Александра отъ всѣхъ, будто бы близкихъ ему людей. Когда влюбленность миновала, осталась пустота и от-

чужденность, глубоко ранившая молодую женщину.

Первые годы, до смерти императрицы Екатерины, вѣрившей и искусно внушившей Александру, что онъ нѣжнѣйшій и счастливѣйшій мужъ, молодые жили, въ общемъ, счастливо, и Елизавета Алексѣевна чувствовала себя хорошо. Вступленіе на престолъ Павла во многомъ испортило жизнь великой княгини. По своей мнительности, Павелъ сталъ подозрительно смотрѣть на жену наслѣдника престола. Ему казалось, что она питаетъ въ своей головѣ честолюбивые замыслы и подстрекаетъ мужа противъ него. Онъ старался, по возможности, разлучать молодыхъ супруговъ и не встрѣчалъ въ этомъ отношеніи особаго противодѣйствія со стороны Александра. Великій князь подчинился вліянію отца, проводилъ время на ученьяхъ, парадахъ или въ кружкѣ офицеровъ, рекомендованныхъ ему Павломъ, и постоянно оставлялъ Елизавету одну.

Катастрофа, возведшая на престолъ Александра, снова на нѣкоторое время сблизила его съ женой. Въ ужасную ночь 11 марта Елизавета Алексѣевна одна во дворцѣ не потеряла голову. Она поддержала Александра, когда силы оставили его, и онъ, казалось, совершенно неспособенъ былъ взять въ свои руки власть, пришедшую къ нему такимъ ужаснымъ путемъ. Всѣ окружающіе отмѣчали удивительное самообладаніе, тактъ и энергію, проявленныя молодой императрицей въ эти тяжелые дни. Александръ, конечно, былъ ей за это благодаренъ. Но благодарность—холодное чувство; оно не согрѣло ни его, ни ее. Когда прошли первые моменты растерянности, которые мужъ и жена переживали вмѣстѣ, снова наступила отчужденность, и въ письмахъ молодой императрицы къ матери начали проскальзывать нотки горечи.

Она глубоко жалѣла о томъ, что единственная дочь, родившаяся у нея за десять лѣтъ ея

брака, умерла, и больше у нея не было дѣтей. Она думала, что ребенокъ могъ бы вернуть ей сердце мужа. Но ребенка не было, и Александръ все больше и больше удалялся отъ жены. Не только дѣла и заботы отвлекали его отъ нея, другія женщины начинали волновать его и играть большую роль въ его жизни. Въ 1802 г. романтическая дружба съ прусской королевой Луизой сильно увлекла его, и онъ сталъ видѣть въ ней свой идеалъ женщины. Но это платоническое чувство, ничѣмъ не питаемое, не могло долго жить въ сердцѣ Александра, такъ какъ и оно тоже не глубоко его затронуло. Мимолетныя увлеченія разными фрейлинами болѣе обижали, чѣмъ огорчали Елазивету. Но ее ждало большое и серьезное горе.

Въ томъ же 1802 году одна изъ придворныхъ дамъ императрицы, Марія Антоновна Нарышкина, стала проявлять особый и исключительный интересъ къ молодому императору. Вначалѣ Александръ оставался къ этому совершенно равнодушенъ, и Елизавета Алексѣевна съ удовольствіемъ отмѣчала въ письмѣ къ матери, что «госпожѣ Нарышкиной не удалось говорить съ императоромъ: мнѣ кажется, что графъ Румянцевъ далъ ей понять, что императоръ не слишкомъ этого желаетъ».

Но Александръ не долго оставался равнодушенъ къ вниманію молодой и красивой женщины. Постепенно она начала заинтересовывать его все сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, ни для кого уже не стало тайной, что императоръ очарованъ Нарышкиной. Онъ и не прилагалъ особыхъ усилій къ тому, чтобы скрывать свои отношенія съ нею. Исключительную близость съ женой онъ считалъ уже дѣломъ прошлаго, и весь отдался новому чувству. Елизавета тоже недолго оставалась въ неизвѣстности. Очень скоро нашлись люди, которые сочли своимъ долгомъ «открыть глаза» императрицѣ, хотя она и раньше не

обманывала себя,—его новая любовь уже ничего не отнимала у нея, такъ какъ чувство къ ней угасло значительно раньше. Но, тѣмъ не менѣе, это открытіе причинило ей сильную боль.

Сама Нарышкина, если вѣрить Елизаветѣ Алексѣевнѣ, проявляла въ отношеніи къ ней удивительную душевную грубость и жестокость. Она не только не щадила чувствъ молодой женщины, но, наоборотъ, старалась какъ бы подчеркнуть передъ ней своего счастье.

Въ своемъ письмѣ къ матери отъ 10-го іюня 1804 года Елизавета Алексѣевна слѣдующимъ образомъ разсказываетъ объ этомъ:

«...Вы, вѣроятно, не получили нашихъ писемъ черезъ барона Малитица, такъ какъ Амелія (сестра императрицы) сказала мнѣ, что она разсказывала вамъ въ томъ письмѣ о родахъ той дамы (М. А. Нарышкиной), произведшей на свѣтъ дочку. Говорятъ, что она опять считаетъ себя беременной: не знаю, правда ли это, но теперь я уже не окажу ей такой чести, чтобы такъ волноваться этимъ, какъ въ первый разъ. Говорила ли я вамъ, милая мама, что первый разъ у нея хватило наглости первой сообщить мнѣ о своей беременности, которая была еще такъ мало замѣтна, что я вполнѣ могла бы не знать о ней. Я нахожу, что для этого надо имѣть такой лобъ, о какомъ я и понятія не имѣю. Это произошло на балу, и, такъ какъ ея состояніе было не настолько замѣтно, какъ теперь, я заговорила съ ней, какъ со всякой другой, и спросила ее о ея здоровьи; она отвѣтила мнѣ, что чувствовала себя не вполнѣ хорошо, «такъ какъ я думаю, что я беременна». Не находите ли вы, мама, что надо имѣть мѣдный лобъ, чтобы сказать это. Она вѣдь прекрасно знала, что я не могла игнорировать происхожденіе ея беременности».

«Я не знаю, — прибавляетъ Елизавета Алексѣевна,—что изъ этого произойдетъ и какъ все

это кончится; одно я знаю: я не хочу, чтобы мой характеръ или мое здоровье пострадали изъ-за существа, которое не стоитъ этого...»

Елизавета Алексѣевна всѣми силами старалась отвлекаться отъ тяжелыхъ мыслей и впечатлѣній. Она постаралась заинтересоваться политикой, проявляла живѣйшее вниманіе къ международнымъ осложненіямъ, въ которыя была завлечена Россія.

Весной 1806 года у нея явилась новая надежда,—она почувствовала признаки беременности, которой она такъ желала. 3-го ноября у нея родилась вторая дочь, Елизавета. Нѣкоторымъ разочарованіемъ было только то, что это былъ не сынъ, не желанный наслѣдникъ, и Елизавета Алексѣевна выразила это въ первой же записочкѣ, посланной ею матери 7-го ноября: «Я чувствую себя хорошо, дорогая мама, такъ же, какъ моя маленькая Элиза, которая умоляетъ васъ простить ее, что она не мальчикъ».

Молодая императрица возлагала громадныя надежды на свою маленькую дочь, но надежды эти оказались такъ же хрупки, какъ жизнь этого ребенка. Всего черезъ годъ Элиза умерла, а отецъ ея еще раньше и на этотъ разъ уже очень надолго охладѣлъ къ ея матери.

ГЛАВА II.

Тайный комитетъ.

Въ то время, какъ императоръ Александръ былъ еще наслѣдникомъ престола, около него группировался небольшой кружокъ людей, искренно къ нему расположенныхъ и рекомендованныхъ ему по большей части императрицей Екатериной. Почти все это была молодежь, увлекавшаяся вмѣстѣ съ великимъ княземъ вы-

сокими идеями и благородными стремленіями. Въ этотъ интимный кружокъ Александра входили графъ Строгановъ, графъ Кочубей, князь Адамъ Чарторыйскій и Н. Новосильцевъ. Къ этому же кружку принадлежалъ и бывшій воспитатель Александра, швейцарецъ Лагарпъ. При Павлѣ, особенно въ послѣднее время его царствованія, когда его самодурство достигло крайняго предѣла, друзья Александра пользовались всякимъ предлогомъ, чтобы удалиться изъ Петербурга. Они сознавали, что расположеніе великаго князя не только не можетъ служить имъ защитой, но, наоборотъ, возбуждаетъ болѣзненную подозрительность императора. Такимъ образомъ, случилось, что къ моменту, когда приблизилась трагическая развязка злополучнаго царствованія Павла, Александръ былъ почти совершенно одинокъ, около него не было никого изъ близкихъ ему людей,—только графъ Строгановъ оставался еще въ Петербургѣ.

Въ томъ состояніи душевнаго разлада, которое переживаетъ Александръ послѣ событія 11-го марта, для него особенно тягостно было это внутреннее одиночество, и, какъ только прошли первые тревожные дни, онъ сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы собрать вокругъ себя своихъ друзей. Князю Адаму Чарторыйскому Александръ написалъ 17-го марта, на пятый день послѣ смерти своего отца, и Чарторыйскій немедленно выѣхалъ въ Петербургъ изъ Сардиніи, куда его заслала подозрительность Павла I.

«На встрѣчу мнѣ,—разсказываетъ Чарторыйскій въ своихъ запискахъ, — посланъ былъ фельдъегерь, заставшій меня близъ Риги. Онъ вручилъ мнѣ дружественное письмо императора и подорожную съ предписаніемъ почтовому начальству ускорить мое путешествіе».

Первое свиданіе съ молодымъ императоромъ оставило въ Чарторыйскомъ двойственное впечатлѣніе.

«Наконецъ,—пишетъ онъ,—я снова увидѣлъ Александра, и первое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, подтвердило мои тревожныя предчувствія. Императоръ возвращался съ парада или ученья, какъ будто бы его отецъ былъ еще живъ. Онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково, но имѣлъ видъ человѣка печальнаго и убитаго горемъ, чуждаго сердечной жизнерадостности, свойственной людямъ, не имѣющимъ основанія слѣдить за собою и сдерживаться. Теперь, когда онъ былъ уже властелиномъ, я сталъ замѣчать въ немъ, быть можетъ, ошибочно, особенный оттѣнокъ сдержанности и безпокойства, отъ которыхъ невольно сжималось сердце. Онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ.

— «Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали: всѣ наши ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ,—сказалъ онъ, намекая на нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ, которыхъ онъ считалъ болѣе просвѣщенными и передовыми, и которыя пользовались его особеннымъ довѣріемъ.

— «Если бы вы были здѣсь,—продолжалъ государь,—всего бы этого не случилось: будь вы со мною, я никогда не былъ бы увлеченъ такимъ образомъ.

«Затѣмъ онъ сталъ говорить мнѣ о смерти своего отца въ выраженіяхъ, полныхъ скорби и раскаянія невыразимаго».

Мысль объ ужасномъ концѣ отца непрерывно терзала Александра.

«Это печальное и мрачное обстоятельство въ теченіе долгаго времени сдѣлалось предметомъ частныхъ нашихъ бесѣдъ, причемъ императоръ желалъ, хотя это причиняло ему страданіе, посвятить меня во всѣ подробности обстоятельствъ.

«Что касается многихъ другихъ вопросовъ, которые насъ нѣкогда занимали, и по поводу которыхъ я желалъ вывѣдать его теперешніе взгляды и дать себѣ отчетъ въ новыхъ положеніяхъ,

которыя необходимо внесли такія большія перемѣны, я убѣдился, что въ общемъ государю, какъ я ожидалъ, попрежнему не были чужды его былыя мечты, къ которымъ онъ постепенно возвращался; но уже чувствовалось, что онъ находится подъ давленіемъ желѣзной руки дѣйствительности,—уступая силѣ, не властвуя еще ни надъ чѣмъ, еще не сознавая предѣловъ своего могущества и не умѣя имъ пользоваться».

Послѣ Чарторыйскаго мысль Александра естественно обратилась къ его бывшему воспитателю Лагарпу.

«Я не поздравляю васъ,—писалъ тотъ Александру, получивъ извѣстіе о его вступленіи на престолъ,—съ тѣмъ, что вы сдѣлались властителемъ тридцати шести милліоновъ подобныхъ себѣ людей, но я радуюсь, что судьба ихъ отнынѣ въ рукахъ монарха, который убѣжденъ, что человѣческія права не пустой призракъ, и что глава народа есть его первый слуга. Вамъ предстоитъ примѣнить на дѣлѣ тѣ начала, которыя вы признаете истинными. Я воздержусь давать вамъ совѣты; но есть одинъ, мудрость котораго я уразумѣлъ въ несчастные восемнадцать мѣсяцевъ, когда я былъ призванъ управлять страной. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени не останавливать обычнаго хода администраціи, не выбивать ее изъ давней колеи, а внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ, избѣгая скоропостижныхъ, насильственныхъ реформъ. Искренно желаю, чтобы человѣколюбивый Александръ занялъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ міра между благодѣтелями человѣчества и защитниками началъ истины и блага».

Это письмо Лагарпа глубоко тронуло императора. Онъ назвалъ его даже своею первою истинною радостью съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на престолъ.

«Не могу выразить,—писалъ Александръ,—все

го, что я чувствовалъ, особенно видя, что вы сохраняете ко мнѣ все тѣ же чувства, столь дорогія моему сердцу, и которыхъ ни отсутствіе, ни перерывъ сношеній не могли измѣнить. Вѣрьте мнѣ, любезный другъ, что ничто въ мірѣ не могло также поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо мнѣ, за познанія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили и въ истинѣ которыхъ я имѣлъ случай столь часто убѣдится.

«Буду стараться сдѣлаться достойнымъ имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться. Я пересталъ писать вамъ, лишь повинуясь самымъ положительнымъ приказаніямъ, но не пересталъ думать о васъ и о проведенномъ съ вами времени. Мнѣ было бы отрадно надѣяться, что это время можетъ вновь настать, и я былъ бы несказанно счастливъ, если бы это осуществилось... Но объ одной милости прошу васъ, а именно: писать ко мнѣ время отъ времени и давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ посту, какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ быть полезнымъ моей странѣ и предотвратить отъ нея въ будущемъ новыя бѣдствія. Почему вы не можете быть со мной, чтобы руководить мною съ помощью вашей опытности и оградить отъ козней, которымъ я могу подвергнуться по моей молодости и, можетъ быть, по невѣдѣнію злобы испорченныхъ душъ?»

Вскорѣ послѣ этого письма Лагарпъ, тронутый довѣріемъ государя, рѣшилъ вновь пріѣхать въ Петербургъ и посвятить свои силы великому дѣлу преобразованія Россіи.

Встрѣча императора съ бывшимъ учителемъ была самая сердечная. Первый разговоръ ихъ длился три часа. Не давъ Лагарпу никакого официальнаго званія и не возложивъ на него

никакихъ спеціальныхъ функцій, молодой императоръ просилъ его попрежнему оставаться его другомъ, совѣтникомъ, руководителемъ, обѣщая обсуждать съ нимъ предварительно всѣ важнѣйшія дѣла.

Лагарпъ отнесся очень серьезно къ отведенной ему роли. Опытъ, который онъ пріобрѣлъ въ качествѣ президента Гельветической республики, сдѣлалъ его гораздо болѣе осторожнымъ и практичнымъ, чѣмъ онъ былъ, когда внушалъ Александру первыя свободолюбивыя идеи.

— Вамъ, государь,—говорилъ онъ теперь,—подобаетъ даровать народу своему великое благо—спасти его отъ произвола вашихъ преемниковъ и дать странѣ такія учрежденія, которыя, сохраняя правительству его силу, ограждали бы народъ отъ самовластія тирановъ. Вы такъ думали и чувствовали, когда еще не испытали обаянія власти... Первая потребность вашего народа—миръ, вторая—просвѣщеніе, третье—судопроизводство, которое доставило бы жителямъ имперіи существенное благо гражданской свободы... Заключу своимъ старымъ припѣвомъ: единственный другъ монарха—его собственное здравое разсужденіе».

Въ практическихъ мѣропріятіяхъ Лагарпъ всегда подавалъ голосъ за самую большую обдуманность и осмотрительность, никогда не рекомендуя поспѣшныхъ рѣшеній.

Онъ ясно понималъ, что основное зло русской жизни—крѣпостное право, но и въ этомъ вопросѣ рекомендовалъ благоразумную постепенность. «Главнымъ препятствіемъ для повсемѣстнаго распространенія школъ въ Россіи служитъ крѣпостное состояніе огромной массы народонаселенія... Народное просвѣщеніе соприкасается здѣсь съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, который очень легко рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ—въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ дол-

женъ быть рѣшаемъ постепенно, безъ шума и тревоги, а главное, безъ всякаго посягательства на права собственности».

Вѣроятно, многіе изъ сановниковъ, занимавшихъ видныя мѣста при воцареніи Александра, были бы очень удивлены, услышавъ такія рѣчи отъ опаснаго швейцарца, якобинца, котораго всѣ они ненавидѣли и боялись. Самъ просвѣщенный и либеральный Панинъ, авторъ проекта ограниченія правъ Павла, писалъ графу Воронцову, узнавъ о пріѣздѣ Лагарпа: «Швейцарецъ, извѣстный вамъ, ѣдетъ сюда, и не взирая на сильныя представленія матери и на мои, паспортъ отправленъ къ нему навстрѣчу. Изъ Парижа и Берлина увѣдомляютъ меня, что онъ имѣетъ тайныя порученія отъ корсиканца. Повѣрьте мнѣ, милостивый мой графъ, что сей человѣкъ будетъ управлять своимъ воспитанникомъ и не допуститъ къ нему вѣрныхъ сыновъ отечества. Всѣ благомыслящіе люди со мною въ томъ согласны. Я совершенно увѣренъ, что нельзя мнѣ будетъ остаться на семъ мѣстѣ».

Панинъ былъ правъ въ своемъ предчувствіи, что ему не удастся сохранить свой постъ. Но причина этого лежала совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ ее искалъ. Опасаясь происковъ со стороны Лагарпа, онъ показывалъ только, что знаетъ его такъ же мало, какъ и своего молодого повелителя. Ударъ грозилъ Панину именно оттуда, откуда ждало разочарованіе и Лагарпа.

Довѣріемъ Александра не владѣлъ вполнѣ никто и никогда,—если имъ не пользовался Панинъ, то имъ не могъ похвалиться и Лагарпъ. Въ то самое время, какъ онъ съ религіознымъ усердіемъ готовился исполнять просьбы Александра о неотступномъ руководствѣ во всѣхъ дѣлахъ, императоръ поручалъ своему другому другу, Кочубею, вскорѣ смѣнившему Панина на его посту, увѣрить графа Воронцова, что Лагарпъ не будетъ принимать никакого

участія въ дѣлахъ и не будетъ оказывать на нихъ никакого вліянія.

Къ тому моменту, какъ состоялась отставка Панина, бывшая для него полной неожиданностью, Лагарпъ уже долженъ былъ начать понемногу сознавать всю тщетность своихъ надеждъ—стать руководителемъ своего бывшаго воспитанника.

Къ этому времени вокругъ Александра уже сгруппировались всѣ его прежніе друзья, съ которыми онъ вмѣстѣ строилъ широкіе планы въ пору своей ранней юности: Строгановъ, Чарторыйскій, Новосильцевъ и Кочубей.

Имъ тоже суждено было испытать на себѣ всю внутреннюю неуловимость императора, благодаря которой его одновременно считали и самымъ искреннимъ и самымъ лживымъ изъ людей. Невозможно было не повѣрить тому горячему порыву, съ какимъ онъ шелъ навстрѣчу людямъ, и трудно было предполагать рядомъ съ этимъ подозрительную осторожность, трезвую осмотрительность, не оставлявшія его и въ минуты самаго дружескаго общенія. А между тѣмъ, именно эта вторая черта дѣлала для него вполнѣ возможнымъ и даже легкимъ переходъ отъ восторженной дружбы къ равнодушной холодности и даже враждебности, переходъ, который испыталъ на себѣ не одинъ изъ его близкихъ друзей.

Вначалѣ казалось, что молодые друзья императора будутъ играть рѣшающую роль въ политикѣ. Они почти постоянно бывали при дворѣ, императоръ выказывалъ имъ явные знаки своего расположенія, совѣщался съ ними по всякимъ вопросамъ и придавалъ ихъ мнѣніямъ больше значенія, чѣмъ совѣтамъ людей, болѣе зрѣлыхъ и опытныхъ. Такое предпочтеніе неопытной и нечиновной молодежи вызывало недовѣріе и ропотъ среди придворныхъ и высшихъ сановниковъ.

«Они, пожалуй, и умные люди,—писалъ Бекле-

шовъ про друзей Александра,—но лунатики. Посмотрѣть на нихъ, не надивишься: одинъ ходитъ по самому краю крыши, другой по оконечности крутого берега надъ бездною; но назови любого изъ нихъ по имени, онъ очнется, упадетъ и расшибется въ прахъ».

Еще рѣзче выражался о нихъ въ своихъ запискахъ Шишковъ: «Молодые наперсники Александровы,—пишетъ онъ,—напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежнія въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ».

Даже Державинъ, восторженно привѣтствовавшій начало новаго царствованія, очень скоро измѣнилъ свое мнѣніе и сталъ выражать неодобреніе противъ «коверканія всѣхъ начинаній Павла», обвиняя въ этомъ совѣтниковъ молодого императора, набитыхъ французскимъ и польскимъ революціоннымъ духомъ. Ближайшихъ же друзей Александра онъ въ раздраженіи называлъ «якобинскою шайкою».

А между тѣмъ, всѣмъ, кто съ такою яростью нападалъ на молодыхъ совѣтниковъ царя, далеко не все еще было извѣстно. Придворные знали дружеское расположеніе государя къ товарищамъ свой ранней юности, знали, что онъ охотно бесѣдуетъ съ ними и выслушиваетъ ихъ совѣты, но почти никому не было извѣстно, что императоръ составилъ изъ своихъ друзей тайный комитетъ, который долженъ былъ обсуждать предварительно всѣ государственныя дѣла. Государь, предсѣдательствовавшій самъ на засѣданіяхъ этого комитета, называлъ его въ шутку «комитетомъ общественнаго спасенія». О существованіи этого комитета никто не долженъ былъ знать, и засѣданія его были обставлены величайшей таинственностью. Происходили они

слѣдующимъ образомъ. Члены его, бывавшіе постоянно при дворѣ, получали приглашеніе вмѣстѣ съ другими лицами обѣдать за царскимъ столомъ. По окончаніи обѣда государь бесѣдовалъ нѣсколько времени со всѣми приглашенными. Потомъ онъ раскланивался и удалялся въ свои покои. Гости начинали разъѣзжаться, а въ это время членовъ «тайнаго комитета» незамѣтно проводили черезъ особый ходъ въ небольшую туалетную комнату, сообщавшуюся съ внутренними царскими покоями. Черезъ нѣсколько минутъ туда же являлся и государь, и въ этой необычной обстановкѣ происходили пренія о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ.

Засѣданія тайнаго комитета начались 24 іюня 1801 года. Передъ комитетомъ стояли самыя широкія задачи. Онъ не долженъ былъ заниматься никакой отраслью текущихъ дѣлъ, но ему предстояло разобраться въ причинахъ царившаго въ Россіи неустройства, найти выходъ изъ него и установить начала обновленнаго строя.

«Лица, удостоенныя довѣріемъ его величества,—пишетъ одинъ изъ членовъ комитета, графъ Строгановъ,—по участію нѣкоторымъ образомъ въ систематическій работѣ надъ реформою безобразнаго зданія администраціи имперіи, получили со стороны его величества согласіе на утвержденіе той идеи, что нобходимо предварительно имѣть у себя передъ глазами картину дѣйствительнаго состоянія имперіи, во всѣхъ ея частяхъ, чтобъ получить возможность судить болѣе сознательно,—если смѣю такъ выразиться,—и о болѣзни, и о методѣ леченія, которому должно слѣдовать. Г. Новосильцевъ взялъ на себя эту работу, и такъ какъ подобный трудъ потребуетъ много времени, то его величество согласился разсматривать его по частямъ».

Новосильцевъ немедленно принялся за дѣло, и въ теченіе лѣта 1801 года представилъ посте-

ненно полную картину тогдашняго управленія Россіи.

«Кому не привелось, — писалъ по этому поводу гр. Кочубей,—быть свидѣтелемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла I, и кто лишенъ возможности почерпнуть у самого источника свѣдѣнія о всемъ томъ безпорядкѣ, разстройствѣ, полномъ хаосѣ, который они породили, тотъ никогда не пойметь хорошенько нашего положенія и тѣхъ усилій, которыя приходится употреблять, чтобы разобраться во всемъ этомъ. Когда я думаю объ этомъ, я часто говорю себѣ, что всякая другая страна не выдержала бы этого, и радуюсь, видя необычайную жизнеспособность нашего отечества. Черезъ годъ, при бережливости императора, мы заживемъ совершенно иною жизнью; тогда и мы вздохнемъ полною грудью. Неуравновѣшенное состояніе всѣхъ отраслей управленія войдетъ въ свою обычную колею, всѣ привыкнутъ наслаждаться своей свободою и безопасностью съ большимъ спокойствіемъ. Сегодня это еще горячка, неотвязчивое воспоминаніе о самомъ ужасномъ деспотизмѣ».

Всѣ члены комитета были одушевлены самой горячей вѣрой въ плодотворность своей дѣятельности. Кромѣ императора ихъ было всего четверо: Чарторыйскій, Кочубей, Строгановъ и Новосильцевъ. «Строгановъ, — пишетъ Чарторыйскій, былъ самый пылкій, Новосильцевъ самый разсудительный, Кочубей самый осторожный, я же самый безпристрастный и старавшійся всегда успокоить чрезмѣрное нетерпѣніе». Объединяла ихъ всѣхъ твердая увѣренность въ томъ, что императоръ придаетъ самое серьезное значеніе ихъ совмѣстной работѣ и доведетъ до конца задуманное ими важное дѣло. Планъ ихъ былъ въ общихъ чертахъ такой: подробно изслѣдовать положеніе Россіи, затѣмъ намѣтить и осуществить необходимыя административныя реформы, и, наконецъ, когда все управленіе страной

будетъ построено на новыхъ началахъ, ввести, какъ вѣнецъ всего, прочную конституцію. Всѣ эти широкіе планы развивались и обсуждались во всѣхъ подробностяхъ въ присутствіи императора, выказывавшаго живой интересъ къ такого рода бесѣдамъ. Единственно, что могло бы возбудить нѣкоторыя сомнѣнія у молодыхъ совѣтниковъ Александра, это—его чрезвычайная сдержанность въ высказываньи собственныхъ мнѣній. Противорѣчилъ онъ рѣдко, но рѣдко и высказывалъ опредѣленное согласіе на тотъ или другой проектъ. Онъ ограничивался тѣмъ, что выслушивалъ всѣхъ, ставилъ вопросы, свое же рѣшеніе оставлялъ при себѣ. Въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда ему приходилось высказаться самому, онъ терпѣть не могъ противорѣчій и проявлялъ изумительное упрямство. «Вступивъ въ споръ съ императоромъ,—замѣчаетъ Чарторыйскій,—слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился, и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого случая». Впрочемъ, подобнымъ небольшимъ затрудненіямъ члены комитета не придавали особеннаго значенія, какъ не придавали они значенія и тому, что государь держалъ въ такой тайнѣ ихъ совѣщанія, и выработанныя ими рѣшенія приводилъ уже далѣе въ исполненіе, какъ свои личныя. Ими руководило не честолюбіе, имъ не приходило въ голову подозрѣніе, что Александръ ведетъ двойную игру и, не придавая ихъ засѣданіямъ офиціальнаго характера, оставляетъ тѣмъ за собой полную свободу дѣйствій.

Одной изъ первыхъ важнѣйшихъ мѣръ, обсужденныхъ тайнымъ комитетомъ и получившихъ практическое осуществленіе—было учрежденіе министерствъ и расширеніе компетенціи Сената. Послѣ очень продолжительныхъ преній въ комитетѣ было рѣшено замѣнить Петровскія коллегіи министерствами съ полномочными министрами во главѣ. 8-го сентября 1802 года былъ

изданъ манифестъ, которымъ учреждались новыя министерства и опредѣлялись измѣненныя обязанности Сената. «На Правительствующій же Сенатъ,—говорилось тамъ,—возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣреннымъ, и, по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ».

Въ особомъ учрежденіи о Сенатѣ было сверхъ того сказано, что «власть Сената ограничивается единою властью императорскаго величества; иной же вышней власти онъ надъ собой не имѣетъ».

Молодые совѣтники Александра придавали особое значеніе именно новому учрежденію о Сенатѣ, видя въ этомъ установленіе контроля надъ произволомъ чиновниковъ, а также первый шагъ къ ограниченію самодержавія. Императоръ, повидимому, вполнѣ сочувствовалъ этому и охотно подписалъ указъ, расширяющій компетенцію Сената. Но вскорѣ обстоятельства показали, что государь вовсе не желалъ вкладывать реальнаго содержанія въ громкія слова о «вышней власти» Сената. Еще въ концѣ того же 1802 года въ Сенатѣ возникло одно дѣло, неважное по существу, но интересное по тому отношенію, какое вызвала со стороны императора попытка Сената осуществить свои новыя права. Дѣло это касалось вопроса о 12-лѣтней обязательной службѣ дворянъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ. Рѣшеніе, принятое по этому поводу военной коллегіей, показалось сенатору гр. Потоцкому не соотвѣтствующимъ правамъ дворянства, и онъ предложилъ Сенату войти съ докладомъ къ государю. Несмотря на возраженія оберъ-прокурора Державина, Сенатъ согласился съ мнѣніемъ гр. Потоцкаго и просилъ разрѣ-

шенія прислать къ государю депутацію съ изложеніемъ дѣла.

Когда Державинъ сообщилъ объ этомъ государю, онъ сильно разсердился и даже въ первую минуту воскликнулъ: «Я дамъ имъ себя знать!» Но потомъ все-таки согласился принять депутацію.

Пріемъ сенаторовъ былъ ледяной. Александръ молча выслушалъ ихъ и отпустилъ, сказавъ только, что онъ дастъ по этому дѣлу особый указъ. Въ указѣ, несмотря на разныя любезныя слова по адресу Сената, ему все же достаточно ясно давалось понять, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло и на будущее время лучше сдѣлаетъ, если воздержится отъ этого.

Старые, привыкшіе къ безропотному повиновенію сенаторы ликовали, а молодежь смущенно и огорченно пожимала плечами.

Нѣкоторые наиболѣе проницательные наблюдатели уже въ это время начинали понимать, какую цѣну слѣдуетъ придавать либеральнымъ планамъ молодого императора.

«Великіе помыслы объ общемъ благѣ, великодушныя чувства, желаніе принесть имъ въ жертву собственныя удобства и часть своей власти, отказаться, наконецъ, отъ неограниченнаго могущества, дабы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить въ будущемъ счастье людей, подчиненныхъ его волѣ,—писалъ вскорѣ послѣ эпизода съ Сенатомъ кн. Ад. Чарторыйскій,—все это нѣкогда искренно занимало императора; все это продолжало занимать его и теперь, но это былъ юношескій порывъ, а не твердое рѣшеніе зрѣлаго человѣка. Императоръ любилъ наружныя формы свободы подобно тому, какъ увлекаются зрѣлищами. Ему нравился призракъ свободнаго правительства, и онъ хвастался имъ; но онъ домогался однихъ формъ и наружнаго вида, не допуская обращенія ихъ въ дѣйствительность; однимъ словомъ, онъ охотно даровалъ бы сво-

боду всему міру при томъ условіи, чтобы всѣ добровольно подчинились исключительно его волѣ».

Послѣднія слова Чарторыйскаго даютъ ключъ къ пониманію очень многихъ поступковъ Александра, причинившихъ большія огорченія его свободолюбивымъ друзьямъ. Но помимо тайнаго властолюбія, прикрывавшагося пышными фразами о правахъ человѣка, еще другая черта Александра чрезвычайно затрудняла совмѣстную съ нимъ работу. На него никогда и ни въ чемъ нельзя было положиться. По какой-то чрезвычайной подозрительности и скрытности, онъ никогда не открывалъ своихъ настоящихъ намѣреній тѣмъ, кому по ходу дѣла ихъ было совершенно необходимо знать, и тѣмъ ставилъ иногда высшихъ исполнителей своей воли въ самое затруднительное положеніе. Такъ было въ области внѣшней политики Россіи, гдѣ даже ближайшіе его друзья были введены имъ въ полное заблужденіе.

ГЛАВА III.

Первые шаги въ области внѣшней политики.

Вступивъ на престолъ, Александръ прежде всего вернулъ на постъ великаго канцлера В. Н. Панина, высланнаго Павломъ незадолго до смерти. Панинъ, не участвовавшій въ трагическихъ событіяхъ 11-го марта и имѣвшій въ виду иную безкровную форму переворота, могъ расчитывать, что Александръ не будетъ питать къ нему непріязни, какъ къ другимъ лицамъ, открывшимъ ему путь къ трону. Но, какъ мы уже упоминали, онъ ошибся въ этомъ. Быть можетъ, тутъ играла роль не столько непріязнь

за прошлое, сколько опасеніе передъ слишкомъ самостоятельнымъ характеромъ виднаго сановника. Разсказывали, что на рѣшеніе объ отставкѣ Панина повліяли неосторожныя выраженія по адресу молодого императора, которыя канцлеръ позволилъ себѣ въ письмѣ къ Воронцову.

Какъ бы то ни было, еще осенью 1801 г., въ разгаръ коронаціонныхъ торжествъ, Панинъ неожиданно получилъ долгосрочный отпускъ для поправленія разшатаннаго здоровья, а частнымъ образомъ ему было дано знать, что изъ этого отпуска онъ уже не вернется болѣе къ исполненію своихъ обязанностей.

Такъ же неожиданно, какъ увольненіе Панина, состоялось назначеніе на его мѣсто одного изъ членовъ тайнаго комитета, графа Кочубея, который самъ заявлялъ, что «внутренной департаментъ всегда казался ему предпочтителенъ».

Можно было подумать, что, назначая министромъ иностранныхъ дѣлъ одного изъ своихъ ближайшихъ друзей и помощниковъ, Александръ именно имѣлъ въ виду, чтобы внѣшняя политика Россіи находилась въ рукахъ человѣка, посвященнаго во всѣ планы и намѣренія императора. Самъ Кочубей долго находился во власти этой иллюзіи, пока обстоятельства не убѣдили его, что быть министромъ иностранныхъ дѣлъ Александра еще не значило руководить внѣшней политикой Россіи, такъ же. какъ быть другомъ императора не значило—пользоваться его довѣріемъ.

Въ моментъ воцаренія Александра положеніе дѣлъ въ Европѣ было очень неопредѣленно. Европейскія государства еще не успѣли опомниться отъ первыхъ головокружительныхъ успѣховъ Наполеона, начинались смутные переговоры о новыхъ союзахъ, центромъ вниманія которыхъ всегда оставалась Франція, предполагались ли они съ нею или противъ нея. Быстрое возвышеніе Наполеона оказало громадное впеча-

тлѣніе еще на Павла, и онъ въ послѣдніе дни своего царствованія завелъ дружескіе переговоры съ первымъ консуломъ. Поэтому смѣна правительства въ Россіи была встрѣчена съ большимъ неудовольствіемъ Наполеономъ. Но Александръ приложилъ всѣ усилія, чтобы разсѣять это предубѣжденіе. Онъ пустилъ въ ходъ присущій ему даръ очарованія и совершенно покорилъ посла Наполеона—Дюрока.

Въ своихъ донесеніяхъ французскому правительству Дюрокъ въ восторженныхъ выраженіяхъ описываетъ молодого императора и беретъ на себя ручательство за его искреннюю дружбу къ Франціи. Дѣйствительно, увѣренія Александра не оставляли мѣста никакимъ сомнѣніямъ, и если могли въ чемъ убѣдить слушателя, помимо горячаго расположенія къ Франціи, такъ это въ томъ, что молодому императору не на кого положиться, что онъ окруженъ людьми, къ которымъ онъ не можетъ питать довѣрія.

«Я всегда желалъ поддерживать согласіе между Франціей и Россіей,—говорилъ онъ Дюроку;—это двѣ великія и могущественныя націи, которыя обмѣнялись доказательствами взаимнаго уваженія и должны войти между собою въ соглашеніе, чтобы прекратить мелкіе раздоры на континентѣ. Въ этомъ смыслѣ были сдѣланы предложенія моему покойному родителю; я бы очень желалъ сговориться непосредственно съ первымъ консуломъ, честный характеръ котораго мнѣ хорошо извѣстенъ, не прибѣгая къ помощи посредниковъ, всегда опасныхъ... Я говорю съ вами откровенно, заявите ему объ этомъ отъ моего имени, но будьте осторожны: нѣтъ надобности говорить объ этомъ съ кѣмъ-либо изъ министровъ. Не пользуйтесь почтою: ваши письма пройдутъ черезъ слишкомъ много рукъ».

Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ императоръ сталъ дѣйствовать въ важныхъ вопросахъ внѣшней политики помимо назначен-

наго имъ самимъ министра и въ глубокой тайнѣ отъ него.

Первое время Кочубей не подозрѣвалъ объ этомъ. Его идея заключалась въ томъ, чтобы воздерживаться пока отъ всякаго вмѣшательства въ европейскія дѣла и дать время для устроенія дѣлъ внутреннихъ. Поэтому онъ не считалъ возможнымъ заключать какіе бы то ни было новые договоры или союзы и уклонялся даже отъ всякихъ переговоровъ по этому поводу. На словахъ Александръ вполнѣ одобрялъ эту тактику и находилъ ее наиболѣе соотвѣтствующей положенію вещей.

Но на дѣлѣ, за спиной министра, велись переговоры, о которыхъ тотъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и переговоры еще болѣе неожиданные, чѣмъ сношенія съ первымъ консуломъ, начатыя еще Павломъ. Съ русскимъ правительствомъ не прочь была завязать дружескія отношенія не только Франція, но и ближайшая сосѣдка Россіи—Пруссія. При натянутыхъ отношеніяхъ съ Австріей и невѣрности французской дружбы, союзъ съ Россіей могъ бы быть для нея могущественной поддержкой. Прусскій король сталъ дѣлать тайные шаги для сближенія съ русскимъ императоромъ, и Александръ очень милостиво относился къ этому.

Въ обществѣ стали уже распространяться слухи, что существуетъ проектъ союза Россіи, Франціи и Пруссіи и что государь относится къ этому благосклонно.

Въ одномъ изъ засѣданій тайнаго комитета Кочубей прямо поставилъ вопросъ объ этой комбинаціи государю. Александръ отвѣтилъ по своему обыкновенію уклончиво. Онъ сказалъ, что въ полученномъ имъ недавно отъ короля прусскаго письмѣ нѣтъ ни слова объ этомъ проектѣ. Кочубей замѣтилъ, что не мѣшало бы обсудить этотъ вопросъ заранѣе, чтобы знать,

какъ отнестись къ нему, если послѣдуетъ такого рода предложеніе.

— Прежде всего,—сказалъ государь,—надлежитъ изслѣдовать, можетъ ли произойти какой вредъ отъ этого союза. Я,—прибавилъ онъ,—не предвижу никакого.

Кочубей возразилъ, что это кореннымъ образомъ измѣнитъ признанную государемъ основу внѣшней политики Россіи, которая должна была заключаться въ невмѣшательствѣ въ чужія дѣла. Но государь не согласился съ этимъ и перевелъ разговоръ на другое, замѣтивъ, что пока объ этомъ нѣтъ рѣчи.

Между тѣмъ, въ это самое время Александръ, тайно и отъ своего комитета, и отъ канцлера, велъ сношенія съ королемъ прусскимъ и подготовлялъ личное свиданіе съ нимъ. Король и въ особенности королева прусская, Луиза, женщина честолюбивая, стремившаяся играть роль въ политикѣ, справедливо разсчитали, что они скорѣе всего достигнутъ своихъ цѣлей, если попытаются повліять непосредственно на Александра, минуя его министровъ. Посредникомъ между королемъ и императоромъ въ этихъ тайныхъ переговорахъ былъ зять императора, герцогъ Мекленбургскій, «дуракъ первостепенный», какъ объ немъ отзывался Кочубей.

Велико было изумленіе Кочубея, когда черезъ мѣсяцъ послѣ того засѣданія комитета, на которомъ государь заявилъ, что нѣтъ и рѣчи ни о какомъ союзѣ съ Пруссіей, императоръ вызвалъ его къ себѣ и объявилъ ему, что черезъ мѣсяцъ онъ отправляется въ путешествіе по своимъ западнымъ губерніямъ, а оттуда проѣдетъ на прусскую границу въ Мемель, гдѣ въ то время прусскій король будетъ дѣлать смотръ своимъ войскамъ. Кочубей попробовалъ сдѣлать нѣкоторыя возраженія, просилъ даже о назначеніи экстреннаго засѣданія комитета, но госу-

дарь замѣтилъ ему, что онъ напрасно такъ волнуется,—свиданіе это не будетъ имѣть ни малѣйшаго политическаго значенія—это чисто дружескій и сосѣдскій визитъ. «Кто повѣритъ,—писалъ Кочубей Воронцову,—что два монарха предпринимаютъ путешествіе, чтобы сдѣлать смотръ войскамъ? А между тѣмъ, это такъ. Кто повѣритъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не имѣлъ понятія объ этой затѣѣ? А между тѣмъ, такъ оно и было. Но какъ бы то ни было, я буду сопровождать императора». Послѣднія слова показываютъ, что Кочубей и самъ не слишкомъ вѣрилъ, что это свиданіе не будетъ имѣть никакого политическаго значенія.

Все произошло такъ, какъ намѣтилъ государь. Онъ объѣхалъ прибалтійскія губерніи и оттуда, какъ бы экспромтомъ, свернулъ на западную границу, въ Мемель, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждала прусская королевская чета.

Въ Мемелѣ императору была устроена самая радушная и въ тоже время очень торжественная встрѣча. Король и королева привѣтствовали его, какъ родного, какъ друга, на котораго они возлагаютъ всѣ свои надежды. Король былъ настолько тактиченъ, что, дѣйствительно, не поднималъ прямыхъ разговоровъ о политикѣ, но королева, какъ женщина, не была связана строгими условіями предварительнаго соглашенія. Кромѣ того, не было и надобности обсуждать какія-нибудь частности политическаго положенія Пруссіи, важно было только завоевать къ ней прочныя симпатіи могущественнаго государя. А въ этомъ отношеніи никто не могъ быть искуснѣе королевы Луизы, слывшей въ Европѣ подъ названіемъ «очаровательницы» (Charmeuse). Съ другой стороны, и Александръ былъ какъ будто созданъ для такого рода отношеній, какія мечтала установить съ нимъ романтическая королева. Его увлекала мысль о нѣжной, платонической дружбѣ съ красивой и умной женщиной

довѣрчиво прибѣгавшей къ его рыцарскому покровительству. Сантиментальный, но холодный, онъ легче таялъ, чѣмъ загорался, и охотно велъ съ «очаровательницей» безконечныя бесѣды о сродствѣ душъ и объ обязанностяхъ истинной дружбы. А Луиза не скупилась на такія сцены, которыя должны были произвести глубокое впечатлѣніе на душу ея новаго поклонника и друга. Она знала его склонность къ мистицизму и пользовалась ей. Такъ, однажды она повела его на могилу великаго курфюрста, основателя могущества прусскаго королевскаго дома, и тамъ императоръ и королева дали другъ другу клятву во взаимной дружбѣ.

Быть можетъ, въ этихъ театральныхъ сценахъ не все было притворство и грубый учетъ выгодъ. Луиза сама была чрезвычайно склонна къ романтизму, и, кромѣ того, Александръ, повидимому, произвелъ на нее сильное впечатлѣніе. Одна изъ приближенныхъ дамъ королевы прусской, графиня Фоссъ, вѣроятно, выражавшая ея мнѣнія, писала объ Александрѣ по первому впечатлѣнію: «Императоръ—чрезвычайно красивый человѣкъ, бѣлокурый; онъ поражаетъ выраженіемъ своего лица; фигура его не хороша, или, вѣрнѣе, онъ плохо держится. Повидимому, онъ обладаетъ мягкимъ и человѣколюбивымъ сердцемъ; во всякомъ случаѣ, онъ въ высшей степени учтивъ и привѣтливъ». Дальше впечатлѣніе стало еще опредѣленнѣе: «Императоръ,—пишетъ она,—самый любезный человѣкъ, какого можно себѣ вообразить; и по своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, это вполнѣ честный человѣкъ. Бѣдный, онъ совсѣмъ увлеченъ и очарованъ королевой! Я очень огорчена, что эти прекрасные дни приходятъ къ концу. Разставаясь съ нимъ, мы всѣ плакали».

Какъ бы то ни было, если для сердца самого Александра встрѣча съ прусской королевой и не имѣла такихъ гибельныхъ послѣдствій, какъ

опасалась прусская статсъ-дама, то для Россіи результаты ея были очень значительны.

«Я смотрю на это свиданіе,—писалъ князь Адамъ Чарторыйскій императору,—какъ на одно изъ самыхъ несчастныхъ происшествій для Россіи, какъ по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, такъ и по тѣмъ, какія оно еще будетъ имѣть. Интимная дружба, которая связала Ваше Императорское Величество съ королемъ послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, привела къ тому, что вы перестали разсматривать Пруссію, какъ политическое государство, но увидѣли въ ней дорогую вамъ особу, по отношенію къ которой признали необходимымъ руководствоваться особыми обязательствами».

Цѣль прусской королевской четы была достигнута блестяще, а императоръ Александръ лишній разъ доказалъ, какъ ошибались окружающіе его, думая, что они его знаютъ, могутъ имѣть на него вліяніе и могутъ полагаться на него. Но въ недалекомъ будущемъ это же самое должна была испытать на себѣ и Пруссія. Тайный, «сердечный» союзъ съ ней длился до тѣхъ поръ, пока Александръ былъ цѣликомъ поглощенъ другими дѣлами, пока союзъ этотъ, въ сущности, не имѣлъ никакого реальнаго значенія. Но какъ только на первый планъ выступили иные интересы, въ которыхъ дружба съ Пруссіей могла послужить помѣхой, такъ она немедленно была принесена въ жертву тому, что въ данное время заполняло честолюбивыя мечты императора.

ГЛАВА IV.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

Послѣ первыхъ широкихъ плановъ, которыми Александръ увлекался вмѣстѣ съ членами своего «комитета общественнаго спасенія», императоръ значительно охладѣлъ къ работамъ своихъ

друзей. Его больше интересовали внѣшнія дѣла, которыми онъ руководилъ помимо Кочубея, а отчасти его отвлекали и осложненія въ личной жизни. Тѣмъ не менѣе императоръ требовалъ, чтобы тайный комитетъ продолжалъ свое дѣло внутренняго переустройства Россіи. Но, несмотря на самыя лучшія намѣренія членовъ «комитета», цѣль его оставалась еще все впереди, и дѣло подвигалось медленно. Люди, на которыхъ была возложена эта отвѣтственная задача, оказались совершенно къ ней не приспособленными. Всѣ они были идеалисты, далекіе отъ жизни, лучше знакомые съ европейскими теоріями, чѣмъ съ русской дѣйствительностью. Очутившись лицомъ къ лицу съ ней, они растерялись. Они знали, хотя и въ общихъ чертахъ, чего хотѣли, но не знали, какъ примѣнять это къ тому, что они нашли. Для того, чтобы облечь въ плоть и кровь неопредѣленныя мечты императора, нужны были другого рода дѣятели, нуженъ былъ человѣкъ, который умѣлъ бы согласовать теорію съ практикой, былъ бы одинаково дома и въ широкихъ сферахъ мысли, и въ затхлой атмосферѣ канцелярій.

Такого человѣка императоръ Александръ нашелъ въ лицѣ Сперанскаго. И природныя дарованія, и первоначальная дѣятельность, и даже обстоятельства личной жизни какъ будто нарочно подготовляли Сперанскаго къ той исключительной роли, которая выпала ему на долю.

М. М. Сперанскій былъ сыномъ сельскаго священника села Чекутова, Владимірской губерніи. Первое воспитаніе онъ получилъ во владимірской семинаріи, откуда за отличные успѣхи былъ переведенъ въ Петербургъ, во вновь открытую высшую Александровскую семинарію. По окончаніи курса онъ нѣкоторое время оставался тамъ учителемъ, и въ то же время получилъ мѣсто личнаго секретаря у князя

Куракина, занимавшаго довольно важную административную должность. Выдающіяся способности молодого человѣка побудили князя Куракина настаивать, чтобы Сперанскій бросилъ духовное вѣдомство и перешелъ на гражданскую службу. Сперанскій охотно послѣдовалъ его совѣту, и въ 1796 году поступилъ въ канцелярію своего бывшаго начальника уже въ качествѣ штатнаго чиновника. Такъ началась служебная карьера Сперанскаго. Благодаря своей исключительной даровитости, широкому по тому времени образованію и чрезвычайному трудолюбію, Сперанскій быстро пошелъ въ гору, ускореннымъ темпомъ прошелъ первыя ступени чиновничьей іерархіи, и, несмотря на отсутствіе сильной протекціи, очень скоро выдвинулся въ петербургскомъ бюрократическомъ мірѣ. Къ концу царствованія императора Павла онъ былъ уже замѣтнымъ въ административныхъ канцеляріяхъ чиновникомъ.

«При всѣхъ четырехъ генералъ-прокурорахъ,— писалъ впослѣдствіи Сперанскій, — различныхъ въ характерахъ, нравахъ, способностяхъ, былъ я, если не по имени, то по самой вещи, правителемъ ихъ канцеляріи».

Этотъ періодъ усиленной работы совпалъ для Сперанскаго съ самыми счастливыми моментами его личной жизни, окончившейся печально, и оставившій на немъ глубокій слѣдъ.

Онъ женился на дѣвушкѣ, которую полюбилъ всей душой и которая дала ему больше счастья, чѣмъ онъ когда-нибудь могъ ожидать. Но черезъ годъ безоблачной семейной жизни, она умерла, оставивъ ему новорожденную дочь.

Личная жизнь Сперанскаго была разбита этимъ однимъ ударомъ, онъ никогда не могъ примириться съ нимъ и остался жить, только считая себя обязаннымъ передъ дочерью. Впослѣдствіи, когда горе утратило нѣсколько свою

первоначальную остроту, онъ связалъ всѣ свои жизненные интересы съ работой. Постепенно работа увлекла его, а вслѣдъ затѣмъ выдвинулось честолюбіе, которое стало съ теченіемъ времени главнымъ двигателемъ его жизни. «Больно мнѣ, другъ мой,—писалъ онъ одному изъ своихъ друзей въ 1801 году,—если смѣшаете меня съ обыкновенными людьми моего рода: я никогда не хотѣлъ быть въ толпѣ и, конечно, не буду». Предсказаніе это сбылось очень скоро. Молодой императоръ нуждался въ людяхъ, и въ первый же годъ по вступленіи своемъ на престолъ онъ отмѣтилъ Сперанскаго, какъ способнаго и полезнаго чиновника. Въ 1802 году Сперанскій уже былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, и съ этого момента началось его участіе, сперва только косвенное, въ дѣлѣ преобразованія.

Быстрое возвышеніе Сперанскаго создало ему, конечно, много враговъ и завистниковъ, но и они не отрицали выдающихся дарованій Сперанскаго. «Въ высокихъ, блестящихъ качествахъ ума никто, даже враги его, ему никогда не отказывали,—пишетъ баронъ Вигель, принадлежавшій самъ къ числу наиболѣе непримиримыхъ враговъ Сперанскаго. Вотъ какъ онъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» о началѣ этого періода дѣятельности Сперанскаго:

«Никто изъ пяти преобразователей (членовъ тайнаго комитета) не умѣлъ ничего написать. Сперанскій предложилъ имъ искусное перо свое и, принимая видъ, какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно одинъ составилъ проектъ учрежденія министерствъ. Тутъ увидѣлъ онъ всю простоту претензій людей, почитавшихъ себя у насъ государственными, узналъ все ихъ ничтожество, опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи на гражданскомъ

поприщѣ равныхъ себѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ пріучился ставить себя выше всѣхъ».

«Я раздѣлялъ, — пишетъ далѣе баронъ Вигель,—всеобщее къ нему уваженіе, но и тогда. близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра».

Но если враги Сперанскаго считали его исчадіемъ ада, то друзья превозносили до небесъ, и государь болѣе склоненъ былъ вѣрить послѣднимъ. Постепенно онъ все больше приближалъ къ себѣ Сперанскаго, довѣрялъ его мнѣніямъ и, повидимому, питалъ къ нему расположеніе. Онъ надѣялся при помощи его осуществить тѣ широкіе планы, которыхъ не сумѣли воплотить въ жизнь его прежніе друзья. Сперанскій думалъ, что онъ вѣрно понялъ мысль императора и напрягъ всѣ свои силы, чтобы составить планъ наиболѣе успѣшнаго ея осуществленія. Все, повидимому, благопріятствовало ему. Онъ не учелъ только одного—характера государя, отъ имени котораго ему предстояло дѣйствовать.

Осенью 1808 года императоръ Александръ долженъ былъ имѣть свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Отправляясь за границу, онъ взялъ съ собой въ числѣ другихъ сановниковъ М. М. Сперанскаго. Сперанскій съ чрезвычайнымъ вниманіемъ присматривался ко всему, что ему удалось видѣть за границей и принималъ участіе въ переговорахъ съ французскими министрами о частностяхъ того соглашенія, основы котораго устанавливались обоими императорами. Разсказываютъ даже, что Наполеонъ обратилъ вниманіе на дѣловитаго чиновника и замѣтилъ, что это самый умный человѣкъ изъ всѣхъ русскихъ. Будто бы онъ даже однажды шутя сказалъ Александру:

— Уступите мнѣ этого человѣка, и я отдамъ вамъ любое изъ завоеванныхъ мною королевствъ.

Во всякомъ случаѣ, для самого Сперанскаго поѣздка его въ Эрфуртъ имѣла большое значеніе. Онъ впервые увидѣлъ тамъ на практикѣ другіе порядки, о которыхъ онъ до тѣхъ поръ только мечталъ. Еще въ Эрфуртѣ императоръ Александръ предложилъ Сперанскому вопросъ:

— Какъ нравится тебѣ за границею?

— У насъ люди лучше,—отвѣчалъ Сперанскій,—но здѣсь лучше установленія.

— Это и моя мысль,—сказалъ императоръ,—мы еще поговоримъ о томъ, когда воротимся.

И дѣйствительно, по возвращеніи въ Петербургъ, Александръ еще болѣе приблизилъ къ себѣ Сперанскаго и сталъ обсуждать съ нимъ подробности предстоящихъ важныхъ реформъ.

«Изъ всѣхъ сихъ упражненій,—писалъ впослѣдствіи Сперанскій въ письмѣ къ государю изъ ссылки,—изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій вашего величества, надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержитъ ничего новаго, но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сей власти болѣе достоинства и истинной силы». «Сила всѣхъ предположенныхъ преобразованій въ томъ состояла, — писалъ Сперанскій въ другомъ мѣстѣ,—чтобъ постановить управленіе имперіи на непремѣнномъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, а съ сею цѣлью опредѣлить, прежде всего, разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т.-е. начертать планъ конституціи».

Сперанскій бодро и энергично принялся за дѣло. Работа кипѣла, и къ осени 1809 года,

т.-е. менѣе чѣмъ черезъ годъ, «весь планъ уже лежалъ на столѣ Александра. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ почти разсмотрѣніи его частей, въ которыхъ государь дѣлалъ свои поправки и дополненія. Наконецъ, все было кончено. На бумагѣ государственный строй Россіи былъ весь преобразованъ на новыхъ началахъ и одобренъ государемъ. Оставалось приступить къ его осуществленію. Мнѣніе Сперанскаго заключалось въ томъ, чтобы, выработавши все до послѣдней подробности, осуществить всю реформу одновременно.

Но тутъ сказался нерѣшительный характеръ Александра. Широкіе планы плѣняли его въ теоріи, на практикѣ онъ боялся ихъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что единовременное осуществленіе всего вызоветъ слишкомъ большую ломку, онъ рѣшилъ, что выработанный проектъ будетъ осуществляться постепенно, по частямъ. Принятіемъ этой системы Сперанскій объяснялъ потомъ всѣ послѣдовавшія неудачи.

«Полезнѣе, можетъ быть, было бы,—писалъ онъ тоже изъ ссылки,—всѣ установленія плана пріуготовивъ, вдругъ открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произошло бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но ваше величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели вдругъ все перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно оказалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ уновленій».

Какъ бы то ни было, Сперанскій подчинился желанію императора и разбилъ осуществленіе своего плана на нѣсколько періодовъ. Прежде

всего, было рѣшено реорганизовать на новыхъ началахъ Государственный Совѣтъ, который предназначался отнынѣ для предварительнаго разсмотрѣнія законовъ, уставовъ и учрежденій «въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ».

Государственный Совѣтъ, состоявшій теперь изъ 35 членовъ, былъ торжественно открытъ государемъ 1-го января 1810 года, и этимъ было положено начало эпохѣ преобразованій. Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Сперанскій, ближе всѣхъ стоявшій къ начатой реформѣ, такъ же думали и всѣ остальные, независимо отъ того, со страхомъ или надеждою смотрѣли они на задуманное дѣло.

Но ни этимъ опасеніямъ, ни этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. И друзья, и враги новыхъ вѣяній лишній разъ показали, что они плохо знали императора Александра. Какъ ни казался онъ убѣжденнымъ въ извѣстной идеѣ и преданнымъ ей, онъ всегда оставлялъ себѣ умственную лазейку, черезъ которую онъ могъ уйти изъ-подъ ея власти и даже дойти до прямо противоположныхъ взглядовъ. Какимъ бы довѣріемъ, уваженіемъ и любовью онъ ни окружалъ человѣка, онъ всегда хранилъ въ душѣ оговорку, дававшую ему возможность въ любой моментъ измѣнить это отношеніе на противоположное.

Такъ было и съ широкимъ планомъ коренного преобразованія Россіи, такъ было и съ человѣкомъ, котораго онъ добровольно поставилъ выше всѣхъ и которому, казалось, безъ сомнѣній и колебаній поручилъ великое дѣло.

Государственный Совѣтъ началъ дѣйствовать въ своемъ новомъ качествѣ, Сперанскій еще болѣе энергично разрабатывалъ подробности слѣдующихъ реформъ, а между тѣмъ, у императора уже начиналось обратное теченіе мыслей и настроеній, хотя на поверхности это ни въ чемъ не проявлялось. Характерно было уже

то, что когда графъ Аракчеевъ, одинъ изъ столповъ стараго порядка вещей, хотѣлъ выйти въ отставку послѣ реформы Государственнаго Совѣта, Александръ употребилъ всѣ усилія, чтобы убѣдить его остаться. Повидимому, такой человѣкъ, какъ Аракчеевъ, могъ быть только помѣхой при осуществленіи задуманныхъ реформъ, и государь долженъ былъ радоваться, что онъ самъ понялъ это и желаетъ очистить мѣсто другимъ, но вмѣсто того императоръ написалъ ему собственноручно письмо и слалъ одного фельдъегеря за другимъ, пока «безъ лести преданный» графъ, наконецъ, согласился занять постъ предсѣдателя департамента обновленнаго Государственнаго Совѣта. Ему былъ предоставленъ выборъ между этимъ назначеніемъ и постомъ военнаго министра, который онъ занималъ до тѣхъ поръ, и онъ выбралъ новую должность на томъ основаніи, что «лучше самому быть дядькою, чѣмъ имѣть надъ собой дядьку». Въ благодарность за уступку, государь прислалъ Аракчееву въ подарокъ пару лошадей, чего раньше никогда не дѣлалъ. Впрочемъ, всѣмъ была извѣстна личная пріязнь императора къ Аракчееву, и его настойчивое желаніе удержать графа на службѣ не произвело впечатлѣнія угрожающаго симптома.

Осыпая Аракчеева знаками особаго благоволенія, Александръ не былъ скупъ и къ Сперанскому. Онъ считался первою персоною при дворѣ, передъ нимъ заискивали, ему льстили, а, между тѣмъ, государь втайнѣ уже началъ питать недовѣріе къ своему любимцу. Можетъ быть, онъ питалъ его и ранѣе, но искусно умѣлъ скрывать. Онъ и теперь обнаруживалъ его крайне осторожно и только передъ тѣми людьми, которые должны были служить орудіемъ его подозрительности. Правитель канцеляріи тогдашняго министра полиціи Балашова, де-Сангленъ, описываетъ въ своихъ «Запискахъ»

въ высшей степени странное свиданіе свое съ императоромъ Александромъ въ концѣ 1811 года, въ моментъ расцвѣта реформаторской дѣятельности Сперанскаго. Однажды вечеромъ къ де-Санглену явился камердинеръ государя, Зиновьевъ и потребовалъ его немедленно къ государю. Государь принялъ его въ небольшой полутемной комнатѣ и, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ фразъ, спросилъ его, знакомъ ли онъ со Сперанскимъ? На отрицательный отвѣтъ де-Санглена государь замѣтилъ: «Вы можете познакомиться». И вслѣдъ затѣмъ сказалъ, что давалъ ранѣе подобное порученіе Балашову, начальнику де-Санглена, и показалъ присланное Балашовымъ донесеніе. „Балашовъ,—разсказываетъ де-Санглень,—писалъ: пріѣхавъ наканунѣ вечеромъ въ 7 часовъ къ Сперанскому, былъ онъ объятъ ужасомъ. Въ передней тускло горѣла сальная свѣча, во второй большой комнатѣ тоже; отсюда онъ былъ введенъ въ кабинетъ, гдѣ догорали два восковые огарка; огонь въ каминѣ погасалъ. При входѣ въ кабинетъ, почувствовалъ онъ, что полъ подъ его ногами трясся, какъ будто на пружинахъ, а въ шкафахъ вмѣсто книгъ стояли стклянки, наполненныя какими-то веществами. Сперанскій сидѣлъ въ креслахъ передъ большимъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько старинныхъ книгъ, изъ которыхъ онъ читалъ одну, и, увидя Балашова, немедленно ее закрылъ. Сперанскій принялъ его ласково, спросилъ: «какъ вздумалось вамъ меня посѣтить?» и просилъ сѣсть на стоящее противъ него кресло, такъ что столъ оставался между ними... Послѣ недолгаго разговора, въ которомъ Балашовъ просилъ о расширеніи функцій министерства полиціи, Сперанскій сказалъ: «Развѣ современемъ можно будетъ это сдѣлать, — прибавляя: — вы знаете мнительный характеръ императора. Все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ только на-половину... Онъ слиш-

комъ слабъ, чтобы управлять и слишкомъ силенъ, чтобы быть управляемымъ».

Окончивъ чтеніе, государь спросилъ де-Сангрлена:—Какъ вы это находите?

«Я молчалъ,—пишетъ де-Сангленъ.

— «Говорите откровенно.

— «Ваше величество! Я въ комнатахъ Сперанскаго не бывалъ, и занимается ли онъ чернокнижіемъ, какъ министръ, кажется, подозрѣваетъ, не знаю. Но вотъ, что меня удивляетъ: говорятъ, Сперанскій умный человѣкъ; какъ рѣшился онъ при первомъ знакомствѣ, и съ кѣмъ? — съ министромъ полиціи, — такъ откровенно изъясняться. Впрочемъ, эта фраза была ранѣе сказана о Людовикѣ XVI,—это повтореніе.

— Балашовъ и Сперанскій ошибаются,—сказалъ государь,—меня обмануть можно,—я человѣкъ,—но не надолго, и для нихъ есть дорога въ Сибирь».

А въ то время, какъ за спиной Сперанскаго государь велъ подобнаго рода разговоры, давалъ подобнаго рода порученія людямъ, еще вчера никому неизвѣстнымъ, и вѣрилъ явно нелѣпымъ доносамъ неумнаго министра полиціи,—по внѣшности все оставалось попрежнему, и Сперанскій имѣлъ всѣ основанія считать себя самымъ довѣреннымъ лицомъ. Естественно, что при такой подкладкѣ отношеній, дѣло, требовавшее полнаго взаимнаго пониманія и довѣрія, не могло подвигаться съ мѣста.

Оно и не подвигалось. Приближалась развязка, положившая конецъ всѣмъ широкимъ либеральнымъ начинаніямъ императора.

По мѣрѣ того, какъ толки о подготовляемыхъ Сперанскимъ реформахъ все шире распространялись въ обществѣ, количество его враговъ все увеличивалось. Этому въ значительной степени способствовала таинственность, которою государь окружалъ дѣло преобразованія. По требованію государя, Сперанскій никого не посвящалъ въ

свои работы, и вслѣдствіе этого о его занятіяхъ стали распространяться самые фантастическіе слухи, въ родѣ тѣхъ, которые послужили основой донесенія министра полиціи Балашова о чернокнижіи Сперанскаго. Отголоски этихъ толковъ, несомнѣнно, доходили и до государя, обостряя его всегдашнюю подозрительность. Враги, которыхъ у Сперанскаго было особенно много именно въ виду его высокаго положенія и близости къ государю, не замедлили воспользоваться этимъ и опутали Сперанскаго цѣлой фантастической басней. Какими-то искусными способами они стали внушать государю, что Сперанскій измѣнилъ отечеству, продалъ Россію Наполеону. Въ виду приближенія войны съ Франціей, подобное обвиненіе становилось важнымъ и должно было, по справедливому разсчету авторовъ интриги, особенно сильно затронуть Александра, считавшаго себя предназначеннымъ свыше для избавленія Европы отъ «корсиканскаго чудовища».

Что послужило поводомъ къ возникновенію этого изумительнаго обвиненія, осталось навѣки скрытымъ. Никакихъ фактическихъ, хотя бы и косвенныхъ, уликъ исторія не сохранила. Не сохранилось даже указаній, что когда-нибудь такія улики существовали. Повидимому, ихъ и не было совсѣмъ. Все обвиненіе было чистѣйшей клеветой, измышленной изъ вражды къ Сперанскому его завистниками и противниками. Имъ казалось, быть можетъ, всего естественнѣе заставить государя повѣрить, что человѣкъ, уже ранѣе заподозрѣнный въ чернокнижествѣ, т.-е. въ сношеніи съ нечистою силою, можетъ завести связь и съ представителемъ этой нечистой силы на землѣ—Наполеономъ. Александръ, съ одной стороны имѣвшій склонность къ мистикѣ, а съ другой—всегда готовый повѣрить низости человѣка, пришелъ въ бѣшенство, когда ему сообщили объ измѣнѣ его

ближайшаго помощника. Какія бы ни были представлены ему доказательства, онъ принялъ ихъ безъ всякой провѣрки, не счелъ нужнымъ назначить какое-нибудь, хотя бы самое ускоренное, разслѣдованіе такого серьезнаго обвиненія, даже не свелъ обвиняемаго лицомъ къ лицу съ обвиненіемъ и не далъ ему возможности оправдаться. Въ первомъ порывѣ гнѣва онъ рѣшилъ немедленно разстрѣлять измѣнника. Объ этомъ упоминаетъ въ письмѣ къ императору проректоръ дерптскаго университета, Пароттъ, къ которому Александръ питалъ особое расположеніе и разрѣшалъ ему писать себѣ съ полной искренностью.

Парротъ былъ въ Петербургѣ, когда возникло обвиненіе противъ Сперанскаго, видѣлся съ императоромъ и послѣ этого написалъ ему слѣдующее письмо:

«Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ никогда не хотѣлось бы разлучаться... Въ минуту, когда вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли вы расположеніи духа, чтобъ взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а если-бъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то вамъ ли его судить; всякая же комиссія, наскоро наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ за то, что вы его слишкомъ возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами кромѣ васъ самихъ. Не подумайте, что я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ и знаю даже, что онъ

нѣсколько меня ревнуетъ къ вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я все еще не считаю доказаннымъ, то все же опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у васъ въ настоящую минуту нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда».

Такъ говорилъ человѣкъ, не только преданный Александру, но поистинѣ боготворившій его и чуждый какихъ бы то ни было придворныхъ интригъ и личныхъ разсчетовъ въ этомъ дѣлѣ. Александръ, дѣйствительно, отказался отъ мысли безъ суда казнить Сперанскаго. Мало того, когда наступилъ моментъ объявить Сперанскому о постигшей его опалѣ, у Александра не хватило духа даже опредѣленно высказать взведенное на него тяжкое обвиненіе, чтобы дать тому возможность хотя бы поколебать увѣренность императора; онъ ограничился неопредѣленными упреками въ вредномъ характерѣ его дѣятельности, а въ результатѣ этого предложилъ ему немедленно отправиться въ ссылку.

«Я не знаю въ точности,—писалъ впослѣдствіи Сперанскій государю,—въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои, при отлученіи меня, ваше величество сказать изволили, могу только заключить, что были три главные пункты обвиненій: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ».

Только десять лѣтъ спустя, послѣ высочайшаго помилованія, узналъ Сперанскій, что именно ставилось ему тогда въ вину.

«Работа у государя императора,—пишетъ онъ въ дневникѣ отъ 31 августа 1821 года,—пространный разговоръ о прошедшемъ. Доносъ яко бы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ (французскій и датскій послы). Вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла за-

быты. Сумбуръ, интриги, сплетни. Занимаясь дѣлами, пренебрегаютъ людьми. Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда справедливаго, всегда милосердаго».

17-го марта 1812 года Сперанскій, ни о чемъ не подозрѣвая, обѣдалъ у своей хорошей знакомой, г-жи Вейкаръ. Въ восьмомъ часу вечера туда явился фельдъегерь отъ государя съ приказаніемъ немедленно явиться къ государю. Подобныя приказанія получались часто, и Сперанскій безъ малѣйшаго предчувствія о томъ, что его ожидаетъ, поѣхалъ, захвативъ по дорогѣ, дома, нужныя бумаги, во дворецъ. Государь принялъ Сперанскаго въ кабинетѣ и два часа говорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ. О чемъ былъ ихъ послѣдній разговоръ, ни государь, ни Сперанскій никогда не разсказывали, но, когда Сперанскій вышелъ, онъ казался сильно разстроеннымъ, съ заплаканными глазами. Впрочемъ, онъ, видимо, скоро овладѣлъ собой. Когда онъ пріѣхалъ домой, онъ казался уже почти спокойнымъ.

Дома его ждали министръ полиціи Балашовъ и правитель его канцеляріи де-Сангленъ, которымъ было поручено государемъ отправить Сперанскаго въ ссылку.

«Сперанскій вошелъ,—пишетъ де-Сангленъ;—на лицѣ его ничего не было примѣтно; онъ держалъ въ рукѣ портфель и съ спокойнымъ духомъ сказалъ:

— «Извините меня, господа. Меня государь задержалъ».

Обмѣнявшись нѣсколькими фразами съ ожидавшими его чиновниками, Сперанскій вошелъ въ кабинетъ, попросивъ Балашова слѣдовать за нимъ. Де-Сангленъ остался ждать въ залѣ, пока они не вернулись.

«Сперанскій и Балашовъ,—разсказываетъ онъ далѣе,—ходили взадъ и впередъ по залѣ; первый съ хладнокровіемъ, спокойствіемъ и твер-

достью духа, которыя внушали мнѣ уваженіе. Балашовъ ходилъ подлѣ него, какъ мальчикъ, который труситъ: не знаетъ ли учитель, сколько онъ напроказничалъ.

«Первыя слова Сперанскаго были:

— «Дай Богъ, чтобы отъѣздъ мой обратился государю и отечеству на пользу! Прошу довести до свѣдѣнія его величества, что уѣзжаю съ пламеннымъ желаніемъ счастья ему и Россіи...

«Разговоръ какъ-то не клеился; все было отрывисто. Балашову хотѣлось, кажется, что-то вывѣдать, а Сперанскій стоялъ какъ будто на стражѣ.

«Балашовъ предложилъ Сперанскому проститься съ дочерью и съ тещей, но Сперанскій отказался, боясь, что это слишкомъ разстроитъ его. Онѣ обѣ, по повелѣнію государя, должны были послѣдовать за нимъ на другой день въ Нижній Новгородъ, куда онъ отправлялся».

Сперанскій простился съ провожавшими его чиновниками, сѣлъ въ приготовленныя для него сани вмѣстѣ съ назначеннымъ ему въ провожатые приставомъ Шипулинскимъ, и лошади помчались.

Такъ отправился въ ссылку безъ суда и слѣдствія одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей, въ разгарѣ важнѣйшей государственной работы, осужденный поклонникомъ законности Александромъ, мечтавшимъ ввести въ Россію „западныя установленія“.

На другой день де-Сангленъ былъ вызванъ къ государю.

«Вы не можете себѣ представить,—сказалъ ему Александръ,—какой былъ вчера тяжкій для меня день! Я Сперанскаго приблизилъ къ себѣ, возвысилъ его и имѣлъ къ нему полную довѣренность и вынужденъ былъ его сослать. Я плакалъ. И въ сію минуту, дѣйствительно, слеза навернулась на глаза его величества...»

Вслѣдъ затѣмъ де-Сангленъ разсказалъ подробно государю всѣ происшествія вчерашняго дня, упомянувъ, между прочимъ, о томъ, что,

ожидая Сперанскаго, онъ сказалъ Балашову:

— «А вдругъ Сперанскому удастся оправдаться, и государь вмѣсто него отправить въ ссылку ихъ съ Балашовымъ?

Это крайне развеселило императора. Онъ сказалъ:

— Это едва ли не было бы лучше.

— Но не для меня, государь, — замѣтилъ де-Сангленъ.

Императоръ улыбнулся:

— А все-таки нужно было выслать Сперанскаго. Доказательствомъ тому то, что весь Петербургъ обрадовался его ссылкѣ. Меня уже поздравляли люди-мерзавцы; тѣ, которые вчера утромъ ловили улыбку Сперанскаго, нынѣ поздравляютъ меня съ отправленіемъ его».

И то, что эти, по словамъ самого государя, мерзавцы, одобряли его поступокъ, онъ считалъ для себя достаточнымъ оправданіемъ.

Вмѣстѣ съ высылкой Сперанскаго пришелъ конецъ краткой эпохѣ преобразованій, задуманныхъ Александромъ. Государь покончилъ съ ними съ такой же легкостью, какъ и со Сперанскимъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ спѣшной высылки Сперанскаго, Александръ говорилъ Новосильцеву.

«Вы думаете, что онъ измѣнникъ? Нисколько; онъ, въ сущности, виновенъ относительно меня одного,—виновенъ тѣмъ, что отплатилъ за мое довѣріе и мою дружбу самой черной, самой гнусной неблагодарностью. Но это еще не побудило бы меня прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, если бы лица, которыя съ нѣкотораго времени взяли на себя трудъ слѣдить за его словами и его поступками, не усмотрѣли въ нихъ и не донесли о тѣхъ случаяхъ, которые заставляли предполагать въ немъ самыя зложелательныя намѣренія. Время, положеніе, въ которомъ тогда находилось отечество, не позво-

лили мнѣ заняться обстоятельнымъ и строгимъ разсмотрѣніемъ обвиненій, которыя доходили до меня въ этомъ отношеніи. Поэтому я сказалъ ему, удаляя его отъ моей особы:

— Во всякое другое время я бы употребилъ два года, чтобы провѣрить съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ всѣ свѣдѣнія, которыя дошли до меня по поводу вашего поведенія и вашихъ дѣйствій. Но ни время, ни обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого въ настоящую минуту: непріятель приближается къ предѣламъ имперіи, и въ виду того положенія, въ которое насъ поставили подозрѣнія, вызванныя вашимъ поведеніемъ и рѣчами, которыя вы себѣ позволяли, для меня весьма важно, въ случаѣ несчастія, не казаться виновнымъ въ глазахъ моихъ подданныхъ, продолжая оказывать вамъ довѣріе и даже сохраняя за вами занимаемое мѣсто. Ваше положеніе такого рода, что я не совѣтовалъ бы вамъ даже оставаться въ Петербургѣ или по близости этого города. Выберите себѣ сами мѣсто для вашего дальнѣйшаго пребыванія до конца событій, которыя приближаются; я играю въ большую игру, и чѣмъ она больше, тѣмъ болѣе вы подвергались бы опасности въ случаѣ неуспѣха, въ виду характера народа, которому внушили недовѣріе и ненависть къ вамъ».

Въ этихъ словахъ Александра, съ перваго взгляда какъ-будто дышащихъ благородной искренностью и великодушной снисходительностью, въ сущности, не мало страннаго и противорѣчиваго.

Въ то время, какъ происходилъ этотъ разговоръ, у воротъ дома Сперанскаго стояла дорожная кибитка, и приставъ Шипулинскій, получившій приказаніе сопровождать Сперанскаго къ мѣсту ссылки, имѣлъ въ своихъ рукахъ подорожную въ Нижній-Новгородъ. «Совѣтовать» въ это время Сперанскому удалиться изъ Петербурга и избрать себѣ мѣсто жительства. было по меньшей мѣ-

рѣ излишне. Далѣе, если только данный моментъ мѣшалъ произвести разслѣдованіе вины Сперанскаго, то почему же оно не было произведено, позже, когда этотъ моментъ миновалъ. Наконецъ, если Сперанскій былъ виновенъ только въ личной неблагодарности противъ императора, то почему же вслѣдъ за нимъ пострадали и другіе, не бывъ въ такомъ исключительномъ положеніи.

То обстоятельство, которое императоръ считалъ доказательствомъ черной и гнусной неблагодарности Сперанскаго, было, въ сущности, естественныхъ слѣдствіемъ заведенной самимъ Александромъ двоедушной политики. Не довѣряя никому, государь организовалъ цѣлую сѣть хитрыхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ онъ обходилъ своихъ министровъ, считавшихъ себя облеченными его полнымъ довѣріемъ. Одна изъ этихъ сѣтей была разставлена противъ Сперанскаго, въ плетеніи другой Сперанскій самъ участвовалъ и не удержался, чтобы не прибавить къ ней одной лишней петли уже за свой собственный счетъ и рискъ.

Во главѣ нашей внѣшней политики стоялъ въ это время канцлеръ, графъ Румянцевъ. Черезъ него государь велъ всѣ офиціальныя дипломатическія сношенія, въ томъ числѣ дружественную переписку съ Наполеономъ. Но въ то же время Александръ велъ частныя сношенія съ нѣкоторыми дипломатическими агентами (посломъ въ Парижѣ гр. Нессельроде, итальянцемъ Маллія и др.), сообщавшими ему въ шифрованномъ видѣ разныя интересныя свѣдѣнія о европейскихъ дѣлахъ и получавшими тоже зашифрованныя тайныя инструкціи прямо отъ государя, минуя канцлера. Канцлеръ былъ совершенно запутанъ по отношенію къ этой перепискѣ. Офиціально онъ не долженъ былъ ничего знать о ней. Въ то же время частнымъ образомъ она ему представлялась на просмотръ. А, въ дѣйствительности, онъ

все-таки не зналъ ея, по крайней мѣрѣ, самой важной ея части.

Устраивалось это слѣдующимъ образомъ. Шифрованныя депеши получались завѣдующимъ важнѣйшими дипломатическими сношеніями, чиновникомъ Жерве, и передавались имъ спеціалисту по расшифровкѣ, Беку. Бекъ же получилъ отъ государя черезъ Сперанскаго приказаніе по расшифрованіи депешъ представлять ихъ не канцлеру, а первоначально государю черезъ присылаемаго за ними гардеробмейстера Гесслера. Государь, прочитывая эти бумаги, вычеркивалъ изъ нихъ все, что находилъ неудобнымъ показывать канцлеру, и отсылалъ обратно Беку. Бекъ вторично переписывалъ ихъ, и уже тогда вручалъ канцлеру, какъ будто бы только что имъ расшифрованныя. Канцлеръ, не зная предварительной судьбы донесеній, прочитывалъ ихъ и представлялъ государю, который дѣлалъ видъ, что читаетъ ихъ впервые. Такимъ образомъ, гр. Румянцевъ былъ увѣренъ, что черезъ него идутъ всѣ, и явныя, и тайныя дипломатическія сношенія, а въ дѣйствительности тайны-то были именно отъ него.

Сперанскій не только зналъ объ этой, опутавшей канцлера, сѣти, но и самъ былъ однимъ изъ узловъ ея. Кромѣ того, государь очень часто показывалъ ему тайныя депеши въ ихъ первоначальномъ видѣ, до переписки набѣло для Румянцева. Ничего нѣтъ удивительнаго, что Сперанскій пожелалъ обезпечить себѣ навѣрняка знаніе самыхъ подлинниковъ таинственныхъ депешъ. Онъ вѣдь не могъ быть увѣренъ, что и для него не дѣлается кѣмъ-нибудь еще особыхъ промежуточныхъ списковъ. Поэтому онъ условился съ Жерве, что копіи наиболѣе интересныхъ депешъ, расшифрованныхъ Бекомъ, будутъ представляться ему одновременно съ тѣмъ, какъ государю. Такимъ образомъ явилась еще лишняя петля въ этой сѣти. Но впослѣдствіи эта петля затянула

самого Сперанскаго и вмѣстѣ съ нимъ Жерве и Бека, уже буквально ни въ чемъ неповинныхъ, такъ какъ Бекъ дѣйствовалъ по прямому приказанію своего непосредственнаго начальства, Жерве же и думать не могъ ослушаться всесильнаго въ то время любимца государя.

Бекъ былъ арестованъ черезъ недѣлю послѣ Сперанскаго и до такой степени пораженъ арестомъ, что сошелъ съ ума. Узнавъ о его арестѣ, Жерве не пожелалъ допустить, чтобы его подчиненный пострадалъ за исполненіе его приказаній. Но объяснить министру полиціи, какъ было дѣло, онъ не счелъ возможнымъ, и поэтому изложилъ все въ письмѣ къ Нессельроде, прося его передать письмо государю. Государь прочелъ его, вычеркнулъ изъ него все, что могло раскрыть канцлеру положеніе, въ которомъ онъ находился, и поручилъ Нессельроде вернуть его Жерве для переписки и представленія, куда слѣдуетъ. Передавая письмо Нессельроде, государь сказалъ:

— Я вижу, что во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего преступнаго; я прекращу это дѣло и освобожу Бека.

Но, вмѣсто того, Жерве былъ удаленъ отъ должности, всѣ бумаги у него отобраны, а Бекъ продержанъ въ заключеніи еще нѣсколько мѣсяцевъ. Такія печальныя послѣдствія имѣла иногда для приближенныхъ Александра его недовѣрчивость и склонность къ веденію двойной игры.

ГЛАВА V.

Александръ и Наполеонъ.

Въ то время, какъ сначала тайный комитетъ, а потомъ Сперанскій энергично занимались проектами внутреннихъ реформъ, считая, что они осуществляютъ идеи императора, самъ Александръ былъ поглощенъ совершенно другими интересами и увлеченъ иными, еще болѣе широкими планами. Преобразованіе Россіи уже не

удовлетворяло его честолюбія. На Западѣ развивались событія, которыя, казалось, указывали ему гораздо болѣе соблазнительный путь. Могущество Наполеона возрастало съ каждымъ годомъ, и предѣлы его власти все раздвигались. Постепенно вся Западная Европа начинала чувствовать на себѣ его вліяніе. Попытки остановить его побѣдоносное шествіе терпѣли неудачи, и уже приближалось то время, когда у самыхъ границъ Россіи окажутся зависимыя отъ императора французовъ страны. Александръ не могъ, конечно, относиться равнодушно къ такимъ событіямъ. Но не опасность, грозившая Россіи, занимала его мысли, его воображеніе рисовало передъ нимъ другія задачи. Наполеонъ представлялся ему порожденіемъ какихъ-то мрачныхъ силъ, обрушившихся вдругъ на Европу, а себя онъ охотно рисовалъ воплощеніемъ того добраго начала, которому суждено положить предѣлъ торжеству зла. Въ этомъ было нѣчто мистическое, удовлетворявшее этой сторонѣ ума Александра. Въ тайнѣ онъ давно мечталъ о единоборствѣ съ Наполеономъ, въ которомъ онъ, Александръ, явится мстителемъ за попранныя права народовъ и тѣмъ стяжаетъ себѣ вѣчную славу и благодарность освобожденной Европы.

Но до этого было еще далеко. Въ началѣ внѣшняя политика Россія не давала особенно блестящихъ результатовъ, а вмѣшательство въ европейскія дѣла оканчивалось довольно плачевно. Выступая противъ Франціи въ союзѣ сначала съ Австріей, а потомъ съ Пруссіей, Александръ не только не являлся мстителемъ, но и самъ раздѣлялъ общую участь противниковъ Наполеона—терпѣлъ пораженія отъ него. Это усложняло задачу, но не измѣняло цѣли, поставленной себѣ Александромъ. Онъ продолжалъ стремиться побѣдить Наполеона, но теперь онъ рѣшилъ пустить въ ходъ другое оружіе, въ которомъ онъ былъ гораздо болѣе искусенъ, чѣмъ въ

военномъ дѣлѣ. Онъ задумалъ обойти непобѣдимаго Наполеона.

Съ того момента, какъ эта мысль пришла ему въ голову, его тактика въ отношеніи Наполеона радикально мѣняется. Онъ, не называвшій Наполеона раньше иначе, чѣмъ Бонапартомъ, корсиканцемъ и чудовищемъ, начинаетъ титуловать его императоромъ и отзывается о немъ съ величайшимъ уваженіемъ.

Говорится это все, конечно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы это было передано Наполеону, и это немедленно оказываетъ свое дѣйствіе. Наполеонъ, несмотря на неизмѣнявшее ему военное счастіе, начиналъ мало-по-малу чувствовать, что вести войну одному противъ всѣхъ трудно, и что союзникъ необходимъ даже ему. Такимъ союзникомъ скорѣе всего могла быть Россія. Ея интересы ни въ чемъ почти не могли сталкиваться съ интересами Франціи: обѣ имперіи лежали такъ далеко другъ отъ друга, что, повидимому, могли жить мирно. Наполеонъ уже не разъ косвенно пробовалъ почву въ этомъ направленіи, но всегда встрѣчалъ самый суровый отпоръ со стороны Александра. Послѣ побѣды надъ Пруссіей въ 1807 году до Наполеона дошли иные слухи, и скоро эти слухи нашли яркое подтвержденіе. Князь Лобановъ, посланный императоромъ Александромъ къ Наполеону для переговоровъ о перемиріи, получилъ слѣдующую знаменательную инструкцію:

«Вы выскажете императору Наполеону,— сказалъ ему Александръ,—какъ я чувствителенъ ко всему тому, что онъ сказалъ мнѣ черезъ васъ. Вы скажете ему, что это единеніе между Франціей и Россіей всегда составляло предметъ моихъ желаній, и что я убѣжденъ, что только оно можетъ обезпечить счастіе и спокойствіе міра. Совсѣмъ новая система должна замѣнить ту, которая существовала до сихъ поръ, и я льщу себя надеждою, что мы легко согласились бы съ императоромъ

Наполеономъ, если-бы только мы вели переговоры безъ посредниковъ. Продолжительный миръ можетъ быть заключенъ между нами спустя немного дней».

Эти слова были какъ будто написаны подъ диктовку Наполеона, они отвѣчали рѣшительно всѣмъ его желаніемъ. Онъ именно мечталъ заключить съ Россіей союзъ и упрочить миръ, основанный на подчиненіи всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ. И достичь этого, по его мнѣнію, было всего легче, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ русскимъ царемъ, который не преминетъ тогда убѣдиться, какую выгоду для него представляетъ союзъ съ Франціей. Теперь Александръ самъ шелъ навстрѣчу всему этому. Можно себѣ представить, какъ былъ доволенъ Наполеонъ, услышавъ отъ Лобанова всѣ эти разсужденія. Радость его, вѣроятно, значительно умѣрилась бы, если бы онъ имѣлъ возможность прочитать слѣдующее письмо Александра къ его матери, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которую очень смущали слухи о возникающей дружбѣ между ея сыномъ и «корсиканскимъ чудовищемъ». Александръ не любилъ никого посвящать въ свои тайныя мысли, но въ данномъ случаѣ онъ не видѣлъ возможности отказаться отъ объясненій, такъ какъ Марія Ѳеодоровна могла сильно раздуть нарождавшееся въ Петербургѣ недовѣріе къ Александру.

«Послѣ несчастной борьбы, которую мы вели противъ Франціи, — писалъ Александръ,—она осталась самою сильною изъ трехъ еще существующихъ державъ континента, такъ что по своему положенію и по своимъ средствамъ она можетъ взять верхъ не только надъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, но и надъ обѣими вмѣстѣ. Не составляло ли выгоды Россіи стать въ дружескія отношенія съ этимъ страшнымъ колоссомъ, съ этимъ, собственно говоря, единственнымъ опаснымъ врагомъ, какого можетъ имѣть Россія.

Нужно, чтобы Франція могла повѣрить, что ея интересы могутъ быть связаны съ интересами Россіи... Съ момента, когда она не будетъ вѣрить этому, она будетъ видѣть въ Россіи только врага, пытаться уничтожить котораго будетъ составлять ея выгоду».

Такимъ образомъ, въ то время, какъ Наполеонъ, дѣйствительно, считалъ союзъ съ Россіей выгоднымъ для обѣихъ этихъ державъ и искренно шелъ навстрѣчу русскому царю, Александръ видѣлъ въ этомъ ловкій ходъ, чтобы усыпить осторожность врага и тѣмъ легче поразить его.

Надо отдать ему справедливость—онъ съ удивительнымъ искусствомъ выполнилъ принятую имъ на себя роль. Свиданіе въ Тильзитѣ, на которое согласились оба императора, было мастерскимъ театральнымъ представленіемъ, разыгранным двумя выдающимися актерами. Вся декоративная часть его принадлежала Наполеону. Это была сцена свиданія двухъ героевъ. Подчеркнутая простота и величіе обстановки должны были поразить воображеніе Александра и склонить его къ уступчивости,—такъ думалъ Наполеонъ. Но уступчивость и была въ этотъ моментъ оружіемъ Александра, и поэтому онъ безъ колебаній вошелъ въ ту роль, которую подготовилъ для него Наполеонъ. Но, выполняя ее, онъ обманывалъ не себя, а его.

Оба императора встрѣтились на плоту, посрединѣ Нѣмана. Одновременно съ двухъ противоположныхъ береговъ они подъѣхали къ нему на лодкахъ. Наполеонъ первый вышелъ на плотъ и встрѣтилъ Александра. Они обнялись и вмѣстѣ вошли въ палатку, раскрытую на плоту. Разсказываютъ, что первыми словами Александра были:

— Я ненавижу англичанъ, какъ и вы, и буду помогать вамъ противъ нихъ!

Нельзя было искуснѣе польстить Наполеону. Вражда къ Англіи была его самымъ страстнымъ чувствомъ.

— Въ такомъ случаѣ, все можно устроить—миръ готовъ,—отвѣтилъ Наполеонъ.

Все дальнѣйшее было разыграно какъ по нотамъ, и оба героя остались вполнѣ довольны другъ другомъ. «Къ счастью,—писалъ Александръ своей матери,—Бонапартъ при своемъ геніальномъ умѣ имѣетъ слабость—это тщеславіе, и я рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ ради спасенія Имперіи».

Оцѣнка, данная Наполеономъ своему сопернику, была гораздо дальше отъ истины. «Это—герой романа,—говоритъ онъ.—Онъ имѣетъ манеры пріятнаго парижанина». И въ другомъ мѣстѣ: «Онъ очень красивый, добрый и молодой императоръ; онъ гораздо умнѣе, чѣмъ обыкновенно о немъ думаютъ». И, надо прибавить, умнѣе, или, по крайней мѣрѣ, значительно хитрѣе, чѣмъ думалъ самъ Наполеонъ.

Наполеонъ воображалъ, что ему удалось достигнуть всего, что онъ себѣ намѣчалъ. Дѣйствительно, Александръ сдался на всѣ его доводы и подписалъ договоръ съ Франціей именно въ томъ видѣ, какъ его предложилъ Наполеонъ, безъ колебаній поступившись даже своей ролью рыцаря прусской королевы и отдавъ Пруссію въ жертву французскому императору. Наполеонъ не предвидѣлъ только одного—того, что эта сговорчивость была такъ же преднамѣренна, какъ и его настойчивость, что она такъ же входила въ планы Александра, какъ союзъ съ нимъ въ планы Наполеона. Онъ не придвидѣлъ, что русскій императоръ сдѣлалъ reservatio mentalis (умственную оговорку), дававшую ему право не исполнять договоръ, что онъ и сдѣлалъ впослѣдствіи.

Вся Европа съ напряженіемъ слѣдила за тѣмъ, что происходило въ маленькомъ городкѣ на берегу Нѣмана. А тамъ, наряду съ политической драмой, разыгравалась и драма личная, и оба

императора играли въ ней роль, каждый, согласно съ своимъ характеромъ.

Главный центръ обсужденій въ Тильзитѣ составляла Пруссія. Для Наполеона было въ высшей степени важно уничтожить всякое значеніе этого королевства, свести его въ политическомъ отношеніи на нѣтъ. Для Александра, наоборотъ, было крайне существенно сохранить между Франціей и Россіей хоть одно государство, которое могло бы со временемъ послужить ему опорой въ его тайныхъ замыслахъ противъ Наполеона. Но не менѣе, а, пожалуй, даже болѣе важно для него было—совершенно очаровать Наполеона, отнять у него самую мысль о томъ, что между ними двумя можетъ быть какой-нибудь камень преткновенія.

И вотъ, въ жертву этому приносится не только сама Пруссія, но и прусская королевская чета, смотрѣвшая на Александра, какъ на своего ангела-покровителя. Разыгрывать эту роль было и пріятно, и лестно, пока она ничему не мѣшала. Но теперь это могло служить только помѣхой. Для великихъ цѣлей, поставленныхъ себѣ Александромъ, было нужно, чтобъ Наполеонъ считалъ, что Александръ выше всего на свѣтѣ цѣнитъ именно его дружбу,—что же значитъ передъ этимъ глубокая обида, нанесенная людямъ, вѣрившимъ въ него, какъ въ своего оракула?

«Я впала бы въ отчаяніе,—писала королева Луиза Прусская, въ своей обычной экзальтированной манерѣ, которая раньше такъ нравилась Александру,—если бы не вы были судьей нашей участи! Безъ васъ, что сталось бы съ королемъ, съ моими дѣтьми! Я была бы самой несчастной супругой, матерью, если бы я родила эти бѣдныя созданія для того, чтобы они знали одно горе. Ахъ! Мой дорогой кузенъ, не покидайте насъ на произволъ судьбы! Мое здоровье немного разстроено всѣми этими тревогами, но это неважно, только бы вы и король могли всему про-

тивостоять: я существо такъ мало интересное, если я и умру, это ничего не значитъ, только бы король былъ спасенъ, только бы мои дѣти имѣли какую-нибудь судьбу, какое-нибудь будущее...»

Это было написано въ день встрѣчи на плоту двухъ императоровъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ королева убѣдилась, что ея рыцарь не только не отстоялъ политическихъ интересовъ Пруссіи, которые еще такъ недавно называлъ своими, но не попытался даже оградить и ее отъ униженій, которымъ подвергъ и ее, и ея мужа Наполеонъ.

Король прусскій былъ въ Тильзитѣ съ самаго начала свиданія императоровъ. Но онъ игралъ при этомъ самую жалкую роль. Онъ не участвовалъ въ переговорахъ, на которыхъ рѣшалась судьба его королевства, въ его присутствіи Наполеонъ приглашалъ на обѣдъ Александра, игнорируя его. Александръ давалъ ему и его приближеннымъ одинъ совѣтъ: «Льстите тщеславію Наполеона». Но Фридрихъ-Вильгельмъ былъ слишкомъ простъ для такой тонкой роли, которую слѣдовало играть въ Тильзитѣ. И вотъ, кому-то изъ окружающихъ его пришла въ голову мысль выписать въ Тильзитъ королеву Луизу, стяжавшую себѣ репутацію «очаровательницы». Ее хотѣли заставить испытать силу своихъ чаръ на Наполеонѣ. Александръ одобрилъ это. Фридрихъ-Вильгельмъ протестовалъ,—онъ предвидѣлъ что это не приведетъ ни къ чему и только подвергнетъ королеву излишнимъ униженіямъ. Но, въ концѣ концовъ, онъ уступилъ.

Наполеонъ былъ доволенъ. Его самолюбію льстила перспектива принимать за своимъ столомъ въ качествѣ просительницы женщину, прославленную въ Европѣ, какъ самую умную, самую вліятельную и самую очаровательную королеву. Онъ рѣшилъ выказать ей величайшую любезность, какъ женщинѣ, но рѣшительно оттолкнуть всѣ ея попытки говорить съ нимъ въ качествѣ коро-

левы. И сантиментальность, и пафосъ, и женское обаяніе—все, что такъ дѣйствовало въ свое время на Александра, было совершенно безсильно передъ Наполеономъ, вызывало въ немъ только насмѣшку.

Королева Луиза пріѣхала на мельницу, гдѣ жилъ въ Тильзитѣ ея мужъ, въ парадной каретѣ, въ роскошномъ туалетѣ, съ королевской діадемой на прекрасныхъ волосахъ. Наполеонъ немедленно сдѣлалъ ей визитъ, о которомъ онъ въ тотъ же день писалъ Жозефинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Она приняла меня съ трагизмомъ, какъ Хименa: — Государь! Справедливость! Справедливость! Магдебургъ! [1]),—она продолжала въ томъ же тонѣ, который смущалъ меня. Наконецъ, чтобы прекратить это, я предложилъ ей сѣсть. Нѣтъ лучшаго средства, чтобы оборвать трагическую сцену, ибо сидящій трагикъ становится комиченъ. На шеѣ у нея было прекрасное ожерелье изъ жемчуга. Я поздравилъ ее съ нимъ:— О, какой красивый жемчугъ!—И объ ея нарядѣ:—Это крепъ или итальянскій газъ?—Государь! Неужели мы будемъ говорить о женскихъ нарядахъ въ этотъ торжественный моментъ?» Тогда Наполеонъ предоставилъ ей сказать то, что она хотѣла, ограничившись, съ своей стороны, обѣщаніемъ «подумать» объ этомъ.

Въ тотъ же вечеръ королева и король были приглашены къ обѣду. Послѣ обѣда Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ отошли въ сторону, оставивъ королеву съ Наполеономъ. Луиза пыталась опять перевести разговоръ на политическія темы, но Наполеонъ отдѣлывался шуточками. На каминѣ стоялъ букетъ красивыхъ розъ, императоръ взялъ одну изъ нихъ и пред-

---

[1]) Вопросъ о томъ, останется ли Магдебургъ во владѣніи Пруссіи, составлялъ для этой страны ужелъ положенія.

ложилъ королевѣ. Она отстранила руку и сказала, пытаясь воскресить свое былое кокетство: «Подъ условіемъ, что это будетъ съ Магдебургомъ!»

Наполеонъ сейчасъ же оставилъ свой любезный тонъ и рѣзко замѣтилъ:

— Ахъ, сударыня, розу предлагаю я, а не вы... Магдебургъ гарантія. Я его держу, чтобы наказать тѣхъ, которые могли бы опять сдѣлаться дерзкими...

Этими и подобными разговорами и ограничилась вся роль королевы Луизы во время тильзитскаго свиданія. Наполеонъ явно подшучивалъ надъ ней, хотя и прикрывалъ это любезными фразами. Александръ держался въ сторонѣ и ни разу не попытался облегчить мученія Луизы, вывести ее изъ тяжелаго положенія. Александръ зналъ, что всѣ попытки королевы Луизы поколебать рѣшеніе Наполеона не ведутъ ни къ чему, такъ какъ наединѣ съ нимъ императоръ французовъ безъ обиняковъ говорилъ, что онъ не уступитъ ни пяди изъ того, что онъ рѣшилъ отнять у Пруссіи, но онъ не считалъ удобнымъ предупредить объ этомъ Луизу и посовѣтовать ей уѣхать, такъ какъ зналъ, что ея присутствіе пріятно Наполеону, какъ трофей. Наконецъ, договоръ между русскимъ и французскимъ императоромъ былъ заключенъ и подписанъ. Пруссія была уменьшена ровно вдвое, болѣе тяжелыхъ для нея условій мира нельзя было себѣ и представить. Въ день подписанія мирнаго договора у Наполеона снова былъ обѣдъ, и прусская королевская чета опять получила приглашеніе. Луиза уже знала, что ея худшія опасенія осуществились, но она рѣшила выдержать до конца испытаніе и явилась на обѣдъ. Наполеонъ встрѣтилъ ее, по обыкновенію, шутками, какъ будто бы ничего не произошло:

— Какъ! Прусская королева носитъ тюр-

банъ!—вскричалъ онъ, увидѣвъ ее.—Конечно, она хочетъ сдѣлать этимъ пріятное не императору русскому, такъ какъ онъ находится въ войнѣ съ турками.

— Всего вѣрнѣе, что я хочу доставить удовольствіе Рустану,—отвѣчала королева Луиза, замѣтивъ за спиной Наполеона его мамелюка.

Этотъ послѣдній обѣдъ, во время котораго Луиза принуждена была выдерживать взятую на себя роль очаровательной женщины, былъ для нея самымъ тяжелымъ моментомъ. «Но что должно было причинить ей боль, удручать ее еще сильнѣе, чѣмъ это постоянное напряженіе,—замѣчаетъ по этому поводу Сорель,—такъ это видѣть за этимъ столомъ пытки, въ этомъ салонѣ униженія того друга, которымъ она такъ восхищалась, и который казался ей теперь неузнаваемымъ, видѣть Александра, какого она не подозрѣвала...»

На другой день королева Луиза уѣхала изъ Тильзита, измученная и униженная, разочарованная въ своихъ надеждахъ поправить политическое положеніе Пруссіи и глубоко оскорбленная невниманіемъ своего друга. «Ахъ, жестоко обманули меня въ этомъ домѣ», воскликнула она, садясь въ карету. Вернувшись въ Мемель, она написала Александру письмо, полное горькихъ упрековъ, но не послала его.

«Я горько плакала, когда писала это письмо,—разсказывала она послѣ.—Я не послала его ему. Онъ не заслуживаетъ моихъ писемъ, потому что онъ небрежно отнесся ко мнѣ въ ту минуту... когда не было страданій, которыхъ бы я не испытала...»

Для Александра все это уже не имѣло значенія, его увлекала теперь другая игра, въ которой королевѣ Луизѣ не было мѣста.

Первое время послѣ Тильзитскаго свиданія отношенія между Александромъ и Наполеономъ носили въ высшей степени дружественный ха-

рактеръ. Положимъ, на дѣлѣ Александръ медлилъ исполненіемъ тѣхъ пунктовъ договора, которые были установлены въ Тильзитѣ, что крайне тревожило Наполеона, но на словахъ онъ продолжалъ разсыпаться въ изъявленіяхъ своихъ неизмѣнныхъ симпатій къ французскому императору. Даже на разстояніи оба императора продолжали разыгрывать принятыя ими въ Тильзитѣ роли. Переписка ихъ носила дружескій и вмѣстѣ торжественный характеръ. Въ февралѣ 1808 года Наполеонъ прислалъ въ Петербургъ Коленкура, для переговоровъ о невыполненныхъ Александромъ пунктахъ договора.

Александръ взялъ переданное ему письмо и, прочитавъ первыя строки, воскликнулъ:

— Вотъ стиль Тильзита!

Наполеонъ писалъ ему между прочимъ: «Нужно быть великими вопреки намъ самимъ... Тогда эта туча пигмеевъ, не желающая видѣть, что теперешнія событія таковы, что аналогіи для нихъ слѣдуетъ искать въ исторіи, а не въ газетахъ, смирится и пойдетъ, куда прикажемъ ваше величество и я. И русскій, и французскій народъ будутъ довольны славой, богатствомъ и фортуной, которыя явятся результатомъ великихъ событій. Дѣло Тильзита упрочитъ судьбы мира...»

Дочитавъ письмо, Александръ воскликнулъ:

— Вотъ великій человѣкъ!

Коленкуръ былъ совершенно убѣжденъ, что Александръ искренно преданъ Наполеону: «Императоръ,—пишетъ онъ своему государю,—принадлежитъ и сердцемъ, и мыслью вашему величеству. Нужно лишь завоевать націю и министерство».

Въ дѣйствительности, это доказывало только то, что Коленкуръ также поддался очарованію любезности Александра, какъ и самъ Наполеонъ въ Тильзитѣ. Помощь Александра была теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходима Наполеону.

Внѣшнимъ образомъ дѣла его шли блестяще, но уже начинала ощущаться непрочность его колоссальныхъ завоеваній. Война съ Испаніей, которую велъ въ данное время Наполеонъ, оказалась гораздо труднѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ а между тѣмъ, въ средней Европѣ недовольство имъ все росло и грозило повлечь за собой новую войну. Окружающіе Александра торопили его воспользоваться этимъ моментомъ и открыто перейти на сторону враговъ Наполеона. Но это совершенно не входило въ расчеты Александра. Напротивъ, онъ именно теперь считалъ нужнымъ разсѣять возникшія у Наполеона опасенія и подогрѣть его симпатіи къ Россіи. Время открыть карты еще не пришло. Александръ, къ ужасу многихъ, даже согласился на новое свиданіе съ французскимъ императоромъ, которое онъ до тѣхъ поръ всякими способами оттягивалъ.

Марья Ѳедоровна написала сыну отчаянное письмо, начинавшееся патетическими словами: «Дорогой Александръ, эти строки разсудятъ меня съ вами передъ престоломъ Всевышняго! Остановитесь у края пропасти! Вы покидаете насъ ради свиданія съ Бонапартомъ и это въ крѣпости, которая еще находится въ его власти и охраняется его войсками». Она рисуетъ самыми мрачными красками создавшееся благодаря Наполеону положеніе вещей: Европа покорилась декретамъ кровожаднаго тирана, который управляетъ ею желѣзнымъ жезломъ, русская торговля уничтожена, съѣстные припасы дорожаютъ, народъ голодаетъ, нѣтъ соли, грозитъ банкротство. Между тѣмъ «идолъ шатается» и нуждается въ Александрѣ для поддержки, а Александръ идетъ на это, соглашается на свиданіе, которое «портитъ его репутацію, оставляя на ней неизгладимое пятно».

Королева Луиза, уже забывшая свое рѣшеніе наказать Александра своимъ молчаніемъ, снова

написала ему письмо, полное слезъ и мольбы:

«Итакъ, вы идите, чтобы опять увидѣться съ Наполеономъ! Это человѣкъ, который, я знаю, въ васъ возбуждаетъ такой же ужасъ, какъ и во мнѣ... Заклинаю васъ, будьте осторожны съ этимъ искуснымъ лжецомъ!... Не дайте увлечь себя предпринять что-нибудь противъ Австріи... Ради Бога, не дѣлайте этого!... Будьте великимъ, простите и подумайте о спасеніи Европы!» На эти мольбы Александръ не отвѣтилъ ничего, но матери онъ написалъ длинное письмо, раскрывая передъ ней и на этотъ разъ свои планы:

«Какое же другое средство могла имѣть Россія для своего единенія съ Франціей,—писалъ онъ,—какъ не принять на нѣкоторое время ея планы и доказать ей, что она можетъ относиться безъ подозрѣнія къ ея видамъ и планамъ? Именно къ этому результату должны были направляться всѣ наши усилія, чтобы подышать свободно въ теченіе нѣкотораго времени и чтобы въ это драгоцѣнное время увеличить наши средства, наши силы. Но мы должны работать въ глубочайшемъ молчаніи...» Спѣшить значило бы рисковать потерять все. «Слѣдуетъ ли изъ-за кратковременной неудачи, которую испыталъ Наполеонъ, разрушать все наше дѣло и подвести подъ подозрѣніе наши истинныя намѣренія. Если его неудачамъ суждено продолжаться, мы будемъ спокойно смотрѣть на его паденіе».

Съ такими мыслями отправился Александръ на вторичное свиданіе съ Наполеономъ, въ Эрфуртъ.

Наполеонъ пожелалъ обставить эту встрѣчу еще болѣе торжественно, чѣмъ тильзитскую. Въ Тильзитѣ онъ намѣревался поразить Александра собственной личностью, здѣсь онъ рѣшилъ подѣйствовать на него блескомъ и пышностью своего двора, въ составъ котораго входили владѣ-

тельные князья, герцоги, короли. Александръ выполнялъ все то, что отъ него ожидали. Онъ былъ полонъ преклоненія передъ геніемъ Наполеона и его могуществомъ. Однажды, въ театрѣ, на торжественномъ спектаклѣ, когда одинъ изъ актеровъ произнесъ фразу: «Дружба великаго человѣка—есть благодѣяніе боговъ!» Александръ всталъ и пожалъ руку сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Наполеона.

Такія открытыя выраженія дружбы были пріятны Наполеону, но они уже не вполнѣ удовлетворяли его. Онъ требовалъ болѣе реальныхъ доказательствъ. Положимъ, Александръ послѣ долгихъ переговоровъ согласился подписать новый договоръ съ Наполеономъ, почти въ томъ видѣ, какъ желалъ самъ Наполеонъ, но онъ уже доказалъ разъ, что онъ не слишкомъ спѣшитъ съ выполненіемъ договоровъ. Кромѣ того, Наполеона занимала теперь новая идея, которая, казалось ему, могла бы вполнѣ упрочить все, что онъ сдѣлалъ и достойнымъ образомъ завершить его честолюбивые планы. Давно уже его смущала мысль о томъ, что его бракъ съ Жозефиной Богарнэ бездѣтенъ, и такимъ образомъ ему некому будетъ передать великую имперію. Кромѣ того, Жозефина была не владѣтельнаго рода, и если онъ въ силу своего генія и своей непобѣдимости какъ бы пріобщился къ царской крови и могъ самъ стать родоначальникомъ царей, то это не распространялось на его жену. Теперь, когда онъ сталъ императоромъ, ему нужна была жена равная ему по положенію. Онъ рѣшилъ развестись съ Жозефиной и жениться на одной изъ европейскихъ принцессъ. Естественнымъ образомъ взгляды его направились на Россію. Бракъ съ русской великой княжной устраивалъ бы его во всѣхъ отношеніяхъ. По рожденію она удовлетворяла его требованіямъ. Въ то же время бракъ съ сестрой русскаго императора окончательно упрочилъ бы

союзъ съ Россіей, который былъ такъ необходимъ для Франціи.

Конечно, эти намѣренія Наполеона не составляли тайны для Александра, но офиціально ничего не было сказано, и Александръ держалъ себя такъ, какъ будто ничего не имѣетъ противъ такого рода мысли. Наполеонъ былъ увѣренъ, что онъ сдѣлалъ большой шагъ въ этомъ направленіи въ Эрфуртѣ и, вернувшись въ Парижъ, поспѣшилъ послать Коленкура въ Петербургъ, чтобы позондировать почву. Но узнать что-нибудь отъ Александра было нелегко. Онъ тянулъ предварительные переговоры, не говорилъ ни да, ни нѣтъ въ принципѣ, ссылаясь на нежеланіе матери, на разницу въ религіи, но въ то же время давалъ понять, что лично онъ ничего не имѣлъ бы противъ. Его главная цѣль была выиграть время, такъ какъ категорическій отказъ Наполеону, несомнѣнно, повелъ бы къ прекращенію дружескихъ отношеній съ нимъ раньше, чѣмъ это было желательно Александру. Между тѣмъ согласиться на этотъ бракъ онъ ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ, несмотря на то, что въ данное время онъ былъ бы для него очень выгоденъ, такъ какъ окончательно обезоружилъ бы Наполеона въ отношеніи Россіи. Съ сестрой Екатериной Павловной, руки которой искалъ Наполеонъ, Александра связывала самая тѣсная дружба, и онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ отпускать ее во Францію.

Коленкуръ никакъ не могъ заставить Александра высказаться сколько-нибудь опредѣленно, и, вѣроятно, переговоры длились бы еще дольше, если бы не проницательность самого Наполеона, который понялъ, наконецъ, по донесеньямъ своего посла, политику Александра и, не желая выслушивать отказа, круто измѣнилъ свои планы. Оставивъ мысль о женитьбѣ на русской великой княжнѣ, онъ обратился къ Австріи и попросилъ у Франца Іосифа руки

его дочери; эрцгерцогини Маріи Луизы. Тутъ дѣло пошло быстро. Австрійскій императоръ не желалъ ничего лучшаго, и въ теченіе одного мѣсяца состоялось и оффиціальное сватовство, и обрученіе, и бракъ.

Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ разрыву съ Россіей.

Послѣ эрфуртскаго свиданія и, въ особенности, со времени второго брака Наполеона, отношенія между Александромъ и императоромъ французовъ стали замѣтно портиться. Александръ опять медлилъ исполненіемъ принятыхъ на себя въ Эрфуртѣ обязательствъ, и Наполеонъ тщетно напоминалъ ему о нихъ. Александръ считалъ, что Россія успѣла уже настолько подготовиться къ войнѣ, что разрывъ съ Франціей не представитъ для нея особой опасности. Въ то же время въ Европѣ недовольство противъ Наполеона достигло крайняго напряженія, а его неудачи въ Испаніи въ значительной степени разсѣяли тотъ ореолъ непобѣдимости, который окружалъ прежде его имя. Моментъ для рѣшительнаго состязанія съ Наполеономъ, казалось Александру, былъ самый благопріятный.

На словахъ, впрочемъ, продолжался прежній обмѣнъ любезностями, но на дѣлѣ русскія войска упорно стягивались къ границѣ. Наконецъ, императоръ рѣшилъ самъ выѣхать на западную границу, чтобы лично удостовѣриться въ подготовленности Россіи. Но поѣздкѣ этой придавался совершенно мирный характеръ. Въ самый день отъѣзда императора, канцлеръ, графъ Румянцевъ, вызвалъ къ себѣ французскаго посла, графа Лористона, и просилъ его передать Наполеону, что императоръ Александръ продолжаетъ оставаться «его самымъ вѣрнымъ другомъ и союзникомъ», что онъ отнюдь не желаетъ войны и сдѣлаетъ все возможное, чтобы ея избѣжать, и, наконецъ, что его поѣздка въ Вильну вызвана исключительно слухами о приближеніи фран-

пузскихъ войскъ къ Кенигсбергу и желаніемъ государя предупредить какія-нибудь дѣйствія со стороны своихъ генераловъ, которыя могли бы повести къ разрыву съ Франціей.

Наполеонъ уже не вѣрилъ болѣе этимъ мирнымъ увѣреніямъ, и какъ только получилъ извѣстіе о выѣздѣ императора Александра въ Вильну, такъ немедленно самъ выѣхалъ изъ Парижа въ Дрезденъ. Его тактика оставалась прежней,—рѣшительность и быстрота при всѣхъ обстоятельствахъ. Когда онъ убѣдился въ томъ, что Александръ желаетъ войны, онъ рѣшилъ примѣнить этотъ методъ и къ Россіи и поразить русскихъ внезапнымъ и смѣлымъ нападеніемъ.

Александръ, между тѣмъ, держался совершенно иной тактики. Война должна была начаться въ польскомъ краѣ, и Александръ желалъ, прежде всего, упрочить симпатіи поляковъ къ Россіи, очаровать своей личностью высшее польское общество. Его пріѣздъ въ Вильну вовсе не носилъ характера провѣрки военной готовности западной границы. Это была скорѣе увеселительная поѣздка, сопровождаемая пріемами, празднествами, вечерами. По дорогѣ онъ заѣзжалъ въ помѣстья польскихъ магнатовъ и поражалъ тамъ всѣхъ своей доступностью, любезностью и привѣтливостью.

Баронеса Тизенгаузъ, впослѣдствіи графиня Шуазель-Гуфье, оставила въ своихъ мемуарахъ подробное описаніе того впечатлѣнія, какое произвела на нее встрѣча съ императоромъ Александромъ въ замкѣ ея родственниковъ Морикони. Императоръ заѣхалъ туда случайно, по дорогѣ въ Вильну, но хозяева упросили его переночевать въ ихъ домѣ. Императоръ охотно согласился и провелъ вечеръ въ веселой бесѣдѣ съ хозяйкой дома и окружающими ее дамами. Онъ приглашалъ молодыхъ дѣвушекъ, не бывавшихъ еще въ Россіи. въ Петербургъ, обѣщая

показать имъ всѣ достопримѣчательности столицы, восхищался прекраснымъ замкомъ, слушалъ пѣніе, и каждому изъ присутствующихъ сумѣлъ сказать что-нибудь пріятное. Онъ просилъ всѣхъ не видѣть въ немъ императора и позволить ему хоть на одинъ вечеръ забыть свой санъ. На утро все населеніе замка провожало императора, хотя онъ и просилъ никого не безпокоиться ради него. Прислугѣ замка онъ оставилъ при отъѣздѣ 1,000 рублей. Въ этомъ замкѣ, по крайней мѣрѣ, всѣ сердца были покорены молодымъ императоромъ. Баронесса Тизенгаузъ слѣдующимъ образомъ описывала внѣшность императора Александра въ это время:

«Несмотря на правильность и нѣжность чертъ и свѣжесть цвѣта лица, красота въ немъ менѣе поражала съ перваго взгляда, чѣмъ выраженіе благоволенія, которое плѣняло всѣ сердца и сразу внушало довѣріе. Его благородной, красивой и величественной фигурѣ, принимавшей иногда склоненныя позы, какъ античныя статуи, грозила въ то время полнота; но онъ былъ безукоризненно сложенъ. У него были живые и умные глаза, цвѣта безоблачнаго неба; онъ былъ нѣсколько близорукъ, но обладалъ особою улыбкою глазъ, если можно такъ назвать выраженіе его взгляда, благосклонное и мягкое. Носъ у него былъ прямой и хорошей формы, ротъ маленькій и пріятный. Лысина надъ лбомъ придавала его лицу выраженіе открытое и ясное, золотисто-бѣлокурые волосы, тщательно причесанные, какъ на прекрасныхъ головкахъ камей или античныхъ медалей, казалось, были созданы для тройнаго вѣнца, лавроваго, миртоваго и оливковаго. Въ его тонѣ и манерахъ было безконечное разнообразіе оттѣнковъ. Если онъ обращался къ лицамъ высокопоставленнымъ, онъ говорилъ съ большимъ достоинствомъ и въ то же время привѣтливо; съ лицами своей свиты онъ говорилъ съ добротой и почти запросто; съ

женщинами пожилыми—почтительно, съ молодыми—съ безпредѣльной граціей, съ нѣжнымъ и очаровательнымъ видомъ, со взглядомъ, полнымъ выразительности. Въ ранней молодости слухъ этого государя пострадалъ отъ сильнаго залпа артиллеріи, вслѣдствіе чего онъ всю жизнь нѣсколько плохо слышалъ на лѣвое ухо, и, слушая, немного склонялся на правую сторону. Странно то, что императоръ слышалъ тѣмъ лучше, чѣмъ больше былъ шумъ, происходившій вокругъ него. Ни одному живописцу, безъ исключенія, не удалось схватить черты его лица и въ особенности передать свойственную имъ тонкость и выразительность».

Александръ придавалъ такое значеніе этимъ отношеніямъ съ польской знатью, что, пріѣхавъ въ Вильно, онъ немедленно отдалъ распоряженіе, чтобы молодыя дѣвушки, принимавшія его въ замкѣ Морикони, были произведены во фрейлины и имъ были пожалованы брилліантовые знаки. Баронессѣ Тизенгаузъ, пріѣхавшей съ отцомъ въ Вильно, онъ даже сдѣлалъ личный визитъ, чтобы поблагодарить ее за радушный пріемъ.

Въ Вильнѣ чествованія императора приняли еще болѣе грандіозный характеръ. Окружавшая Александра свита попросила разрѣшенія государя отплатить любезнымъ хозяевамъ, устроивъ имъ тоже блестящій праздникъ. Императоръ далъ свое согласіе. Всѣ, казалось, забыли главную цѣль пріѣзда сюда императора со штабомъ, забыли, что непріятель тѣмъ временемъ быстрыми переходами приближался къ русской границѣ.

На 12-е іюня былъ назначенъ торжественный балъ въ замкѣ генерала Бенигсена въ Закретѣ. Наканунѣ бала императоръ получилъ увѣдомленіе, что галлерея, приготовленная для танцевъ, не надежна. Онъ немедленно послалъ разслѣдовать это архитектора, но, когда тотъ пріѣхалъ

на мѣсто, галлерея уже обрушилась. Де-Сангленъ сообщилъ объ этомъ императору.

— Такъ это правда,—сказалъ Александръ,— поѣзжайте же немедленно и велите очистить полъ. Мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ.

Балъ состоялся и отличался необычайной роскошью и оживленіемъ. Императоръ танцовалъ, расточалъ любезности дамамъ и былъ чрезвычайно веселъ. Въ серединѣ вечера пріѣхалъ Балашовъ и попросилъ императора дать ему нѣсколько минутъ разговора наединѣ. Когда они вошли въ кабинетъ хозяина, Балашовъ сказалъ:

— Пріѣхалъ курьеръ съ донесеніемъ о томъ, что войска французовъ переправляются черезъ Нѣманъ.

Александръ приказалъ Балашову молчать и не разстраивать праздникъ, а самъ вернулся къ гостямъ и продолжалъ участвовать въ танцахъ и разговорахъ, какъ будто бы ничего не случилось.

Въ ту же ночь, по возвращеніи въ Вильну, императоръ велѣлъ написать приказъ главнокомандующему Салтыкову, извѣщавшій его о вступленіи непріятеля на русскую землю. Въ приказѣ этомъ находились извѣстныя слова: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ». Оканчивался онъ словами: «На зачинающаго Богъ».

Однако, оказать Наполеону противодѣйствіе сейчасъ не было никакой возможности, ничто къ этому не было готово. И черезъ два дня послѣ блестящаго бала, на разсвѣтѣ 14-го іюня, императоръ Александръ поспѣшно выѣзжалъ изъ Вильно. Большая часть населенія послѣдовала его примѣру. Городъ опустѣлъ, а еще черезъ два дня, 16-го, въ него вступалъ императоръ Наполеонъ и французскія войска.

Отечественная война началась.

Описывать подробно событія 1812 года не входитъ въ нашу задачу. Напомнимъ только въ главныхъ чертахъ ходъ этой войны. Отступленіе русскихъ войскъ, вызванное неожиданнымъ вторженіемъ непріятеля съ превосходящими по численности силами, продолжалось и далѣе. Это не была система; напротивъ, и государь, и всѣ его окружающіе съ нетерпѣніемъ ждали, когда главнокомандующій, Барклай де-Толли, дастъ Наполеону генеральное сраженіе. Но сраженія все не было, и наши арміи стихійно отступали, а населеніе также стихійно покидало города, оставляя непріятелю опустѣвшіе дома. Героическая попытка отстоять Смоленскъ кончилась неудачей. Никто въ тотъ моментъ еще не предполагалъ, что это отступленіе—мудрѣйшая тактика. Напротивъ, въ обществѣ все росло недовольство командующимъ составомъ арміи, губящимъ славу русскаго оружія. Наконецъ, уступая напору общественнаго мнѣнія, государь назначилъ главнокомандующимъ всѣми арміями Кутузова, къ которому онъ лично не питалъ ни довѣрія, ни симпатіи. Пріѣздъ Кутузова въ дѣйствующую армію былъ настоящимъ тріумфомъ. Первыми словами главнокомандующаго при въѣздѣ въ главную квартиру были: «Можно ли все отступать съ такими молодцами!» Но и послѣ этого ничто не измѣнилось. Лишь подъ самой Москвой Кутузовъ далъ наконецъ, такъ давно ожидаемое генеральное сраженіе. Обѣ стороны считали, что одержали побѣду подъ Бородинымъ. Какъ бы то ни было, на другой день послѣ битвы Кутузову пришлось принять страшное рѣшеніе—отойти отъ Москвы, открывъ ее непріятелю. Это тоже была не сознательно подготовленная ловушка, а жестокая неизбѣжность.

Но съ этого момента, казалось бы, самаго ужаснаго для русскихъ, начинается поворотъ, который вскорѣ сталъ ощущаться всѣми. Тщетно

прождавъ депутаціи «бояръ» съ ключами города, Наполеонъ занялъ Москву, но не блестящую, богатую столицу, а покинутый жителями деревянный городъ, скоро превратившійся въ одинъ костеръ, стихійно изгнавшій изъ себя врага. Послѣ этого начинается фатальное отступленіе великой арміи по разоренной дорогѣ, вскорѣ перешедшее въ неудержимое бѣгство гибнущихъ отъ холода и голода людей, избиваемыхъ партизанскими отрядами и преслѣдуемыхъ по пятамъ русской арміей. Нигдѣ не задерживаясь, жалкіе остатки великой арміи перешли границу. 11 декабря 1812 года императоръ съ торжествомъ въѣхалъ въ Вильну, откуда пять мѣсяцевъ тому назадъ онъ принужденъ былъ такъ поспѣшно выѣхать. Данное имъ слово было блестяще выполнено—ни одного непріятельскаго воина не осталось на русской землѣ. Это подкрѣпило въ императорѣ убѣжденіе, что онъ дѣйствуетъ согласно Высшей волѣ, и что именно ему предопредѣленно свалить колосса, поработившаго Европу.

ГЛАВА VI.

Александръ—освободитель Европы.

Двѣнадцатый годъ былъ годомъ перелома въ жизни Александра. Разорвавъ съ Наполеономъ и допустивъ вступленіе французской арміи въ русскіе предѣлы, онъ поставилъ сразу на карту и всѣ свои честолюбивые планы, и самую будущность Россіи. Судьба благопріятствовала ему, и непобѣдимый Наполеонъ былъ побѣжденъ пламеннымъ патріотизмомъ русскаго народа и суровыми условіями русской природы. Пожаръ Москвы и злополучное отступленіе великой арміи избавляли Россію отъ всякой опасности и въ то же время открывали передъ императоромъ тѣ перспективы, которыя уже давно увлекали его. Наполеонъ былъ такъ ослабленъ первой

серьезной неудачей, что моментъ былъ самый благопріятный для того, чтобы нанести ему окончательный ударъ и явиться въ роли освободителя Европы. Александръ воспользовался этимъ, и расчеты его вполнѣ оправдались. Не прошло и года, какъ великій императоръ, генію котораго удивлялся весь міръ и власти котораго покорилась вся Европа, былъ разбитъ и очутился самъ въ рукахъ побѣдителей, а союзныя войска, съ императоромъ Александромъ во главѣ, вступили въ покоренный Парижъ.

Головокружительная быстрота такихъ блестящихъ событій не могла, конечно, не произвести своего дѣйствія на императора Александра. И, дѣйствительно, всѣ окружавшіе его въ ту эпоху отмѣчаютъ значительное измѣненіе въ его характерѣ; прежняя мягкость, боязнь задѣть кого-нибудь, склонность соглашаться съ мнѣніями совѣтниковъ, нѣкоторая нерѣшительность въ высказываніи собственныхъ мнѣній, навсегда покидаютъ императора. Гордый тѣмъ, что онъ угадалъ моментъ и выполнилъ цѣликомъ ту роль, которую самъ себѣ намѣтилъ, онъ начинаетъ считать себя непогрѣшимымъ и нетерпимо относится ко всякому возраженію. Самый тонъ его въ отношеніяхъ съ людьми рѣзко мѣняется. Онъ усваиваетъ себѣ надменную и властную манеру обращенія и отрывистый категорическій языкъ.

Внѣшнія почести, впрочемъ, попрежнему не привлекали Александра, и когда на обратномъ пути изъ Парижа, въ Брухзалѣ, гдѣ императоръ встрѣтился съ императрицей Елизаветой, къ нему прибыла депутація св. Синода, Государственнаго Совѣта и Сената съ просьбой разрѣшить воздвигнуть ему памятникъ и принять титулъ Благословеннаго, онъ былъ недоволенъ и приказалъ Шишкову написать, что императоръ «отрицается и не соизволяетъ» на сооруженіе памятника и принятіе титула. Такъ же неблагосклонно при-

нялъ государь извѣстіе о готовящихся ему въ Россіи торжественныхъ встрѣчахъ. Онъ немедленно послалъ приказъ петербургскому главнокомандующему съ запрещеніемъ какихъ бы то ни было чествованій: «Объявите повсюду мою непремѣнную волю, дабы никакихъ встрѣчъ и пріемовъ для меня не дѣлать. Пошлите повелѣніе губернаторамъ, дабы ни одинъ не отлучался отъ своего мѣста для этого предмета. На вашу отвѣтственность возлагаю точное исполненіе сего повелѣнія». По полученіи этого рескрипта, тріумфальныя арки, воздвигнутыя по городамъ, были спѣшно разобраны, и всѣ приготовленія къ иллюминаціямъ уничтожены.

Вернувшись въ Петербургъ, Александръ немедленно же сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ составѣ министерствъ и пожелалъ издать манифестъ къ народу по поводу окончанія войны. Проектъ манифеста опять былъ составленъ Шишковымъ, но не заслужилъ одобренія императора. Согласно желанію Александра, Шишковъ упомянулъ отдѣльно о каждомъ сословіи государства и каждому особо выразилъ благодарность отъ имени государя. При этомъ дворянство было поставлено впереди воинства. Государь спросилъ его, почему онъ поступилъ такъ? Шишковъ отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, оно снабжаетъ воинство полководцами и ратниками, и, такимъ образомъ, «яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать надъ честью». На это,—пишетъ Шишковъ,—императоръ сказалъ съ насмѣшкою:

— Вотъ стану я равнять такого-то съ такимъ-то!—При этомъ онъ назвалъ два имени.

— Государь,—возразилъ Шишковъ,—сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другого.

Александръ прервалъ докладчика и рѣзко приказалъ ему поставить статью о воинствѣ выше.

«Въ первый разъ видя его гнѣвнаго,—добавляетъ Шишковъ,—принужденъ былъ замолчать».

Вторичное чтеніе манифеста снова вызвало неудовольствіе государя. На этотъ разъ оказалось, что ему не понравились слова, сказанныя о помѣщичьихъ крестьянахъ: «Мы увѣрены,—писалъ Шишковъ въ проектѣ манифеста,—что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ господъ ихъ. Существующая издавна между ними, на обоюдной пользѣ основанная... связь... не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что, съ одной стороны, помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ, заботою, а съ другой—они, яко усердные домочадцы... приведутъ себя въ счастливое состояніе.. «Александръ съ раздраженіемъ замѣтилъ, что не можетъ говорить противъ совѣсти и что слова «на обоюдной пользѣ основанная» не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Впрочемъ, когда Шишковъ выключилъ эти три слова, оставивъ самую мысль безъ измѣненія, государь не возражалъ.

Въ окончательномъ текстѣ манифеста благодарность государя къ высшимъ сословіямъ выразилась въ пожалованіи духовнымъ наперснаго креста, дворянству и воинству—медалей, купечеству въ объявленіи особаго «благоволенія и благодарности» монарха, о крестьянствѣ же было сказано: «Почтенное мѣщанство и крестьяне, которые трудолюбіемъ своимъ извлекаютъ изъ земли первоначальную для всѣхъ пищу, изъ среды коихъ исходитъ воинъ на защиту отечества и которые въ самое грозное время самолютѣйшей войны показали духъ православія, вѣрности и мужества... да получатъ мзду свою отъ Бога».

Ничьихъ совѣтовъ Александръ теперь не спрашивалъ, и манифестъ былъ опубликованъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ окончательно исправленъ по указаніямъ государя. На минуту мелькнувшая передъ нимъ мысль о положеніи

громаднаго большинства населенія, для котораго ничего еще не было сдѣлано въ его царствованіе, не надолго смутила его совѣсть и не помѣшала спокойно возложить заботу о немъ на Промыселъ Божій...

Александра продолжали занимать другія дѣла, которыя казались ему болѣе важными. Послѣ побѣдоносныхъ войнъ съ Наполеономъ, онъ считалъ себя призваннымъ спасителемъ Европы и вершителемъ ея судебъ. Въ европейскихъ дѣлахъ, какъ и у себя дома, онъ усвоилъ себѣ властный, не терпящій возраженій тонъ. Особенно ярко это сказалось во время Вѣнскаго конгресса, созваннаго, по иниціативѣ Александра, для обсужденія создавшагося въ Европѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ положенія и необходимыхъ измѣненій въ немъ.

Среди блестящаго общества всѣхъ европейскихъ государей и видныхъ дипломатовъ Александръ держалъ себя хозяиномъ положенія, не скрывая того, что считаетъ свой голосъ рѣшающимъ. Въ особенности подчеркивалъ онъ свое могущество въ отношеніяхъ съ представителемъ новаго французскаго правительства, знаменитымъ Талейраномъ. Вотъ какъ описываетъ Талейранъ въ письмѣ къ Людовику XVIII свое первое свиданіе съ русскимъ императоромъ въ Вѣнѣ. Александръ, по его словамъ, не имѣлъ обычнаго привѣтливаго вида, рѣчь его была отрывиста, выраженіе серьезное, вообще выступалъ онъ съ нѣкоторой торжественностью. «Я видѣлъ ясно,—замѣчаетъ Талейранъ,—что онъ намѣренъ разыграть роль.

— Прежде всего, каково положеніе вещей въ вашей странѣ?—началъ Александръ.

— Такъ хорошо, какъ только ваше величество можетъ желать, и лучше, чѣмъ можно было ожидать.

— Общественное настроеніе?

— Оно улучшается съ каждымъ днемъ.

— Либеральныя идеи?

— Ихъ нигдѣ нѣтъ столько, какъ во Франціи.

— Но свобода печати?

— Она возстановлена, за исключеніемъ немногихъ ограниченій, вызванныхъ обстоятельствами: они перестанутъ дѣйствовать по прошествіи двухъ лѣтъ и не помѣшаютъ до того времени появляться въ печати всему, что есть хорошаго и полезнаго.

— А армія?

— Она вся за короля. 130,000 человѣкъ подъ знаменами, и по первому призыву можно будетъ собрать еще 300,000.

Послѣ нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ, государь сказалъ:

— Теперь поговоримъ о нашихъ дѣлахъ; ихъ нужно кончить здѣсь.

— Это зависитъ отъ вашего величества. Они будутъ окончены скоро и благополучно, если ваше величество окажете при этомъ то же самое благородство и величіе души, какое явили въ дѣлахъ Франціи.

— Однако, необходимо, чтобы каждый нашелъ въ нихъ свое удобство.

— И каждый—свое право.

— Я сохраню за собою то, что занимаю.

— Ваше величество изволите сохранить за собою лишь то, что будетъ законно принадлежать вамъ.

— Я дѣйствую въ согласіи съ великими державами.

— Я не знаю, считаетъ ли ваше величество Францію въ ряду таковыхъ державъ?

— Да, конечно; но если вы не хотите, чтобъ каждый преслѣдовалъ свои удобства, то въ чемъ же заключаются ваши намѣренія?

— Я прежде всего ставлю право.

— Удобства Европы—суть право.

— Эта рѣчь, государь, не ваша!—воскликнулъ

Талейранъ, она вамъ чужда, и ваше сердце не признаетъ ея!

— Нѣтъ, повторяю, удобства Европы суть право!

При этихъ словахъ государя Талейранъ опер-ся головою о стѣну и воскликнулъ:—Европа! Несчастная Европа!.. Неужели предопредѣлено, что вы ее погубите?—прибавилъ онъ, обращаясь къ государю.

— Лучше война, чѣмъ отказаться отъ того, что занято мною,—отвѣчалъ государь.

Талейранъ безнадежно опустилъ руки и нѣсколько мгновеній простоялъ молча. Молчалъ и императоръ. Наконецъ, онъ повторилъ:—Да, лучше война.

На этомъ первый разговоръ императора съ Талейраномъ кончился.

Еще рѣшительнѣе высказался Александръ во время второго свиданія съ Талейраномъ.

Рѣчь шла о намѣреніи Александра уничтожить саксонское королевство, передавъ его владѣнія королю прусскому. Талейранъ горячо возражалъ противъ поставленнаго саксонскому королю требованія объ отреченіи.

— Если саксонскій король не отречется,—заявилъ Александръ, — его повезутъ въ Россію, тамъ онъ и умретъ. Уже одинъ король умеръ тамъ.

— Ваше величество, позвольте не вѣрить этому. Не для того собрался конгрессъ, чтобы видѣть подобное покушеніе.

— Какъ такъ? Покушеніе. Вотъ еще что! Развѣ не отправился въ Россію король Станиславъ *). Почему бы и королю саксонскому не отправиться туда. Положеніе ихъ одно и то же. Для меня тутъ не существуетъ разницы. Я полагалъ, что Франція кой-чѣмъ обязана мнѣ. Вы всегда говорите о принципахъ. Ваше обще-

*) Послѣдній польскій король.

ственное право для меня ровно ничего не значитъ. Я не знаю, что это такое. Какое употребленіе, думаете вы, я могу сдѣлать изъ всѣхъ вашихъ пергаментовъ и трактатовъ? Для меня одно превыше всего—это данное мною слово. Я его далъ и сдержу. Я обѣщалъ Саксонію прусскому королю въ то время, когда мы сошлись вмѣстѣ.

— Король прусскій будетъ королемъ прусскимъ и саксонскимъ,—заключилъ послѣ минутнаго молчанія Александръ,—такъ же, какъ я буду императоромъ россійскимъ и польскимъ. Предупредительность, которую Франція окажетъ мнѣ относительно этихъ двухъ пунктовъ, послужитъ мнѣ мѣриломъ той предупредительности, которую окажу я ей, съ своей стороны, во всемъ, что можетъ ее интересовать.

— Это дѣло, которое касается только лично меня,—категорически заявилъ Александръ въ третій разъ,—и въ которомъ лишь я одинъ могу быть судьею.

Осуществить свою категорическую волю въ европейскихъ дѣлахъ Александру, правда, не удалось, такъ какъ возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы спутало всѣ разсужденія и отодвинуло рѣшеніе дѣлъ на довольно продолжительное время. Но тѣмъ не менѣе, Европа могла убѣдиться, что Александръ освободилъ ее далеко не исключительно въ видахъ безкорыстнаго великодушія, и что кроткій царь заимствовалъ не мало пріемовъ у «корсиканскаго чудовища».

ГЛАВА VII.

Семья императора Александра.

Увлеченный широкими политическими планами, императоръ Александръ очень мало времени отдавалъ семьѣ и постепенно все больше отдалялся отъ нея. Впрочемъ, отношенія, царившія между наиболѣе близкими къ нему ли-

цами, не могли создать той атмосферы, при которой семья можетъ служить отдыхомъ. Императрица Елизавета, оскорбленная холодностью императора, замкнулась и отдалилась не только отъ него, но и отъ остального двора. Она была неразлучна со своей сестрой, принцессой Амеліей, салонъ которой, — по словамъ фрейлины Струдзы, впослѣдствіи баронессы Эдлингъ, — являлся центромъ всѣхъ городскихъ сплетенъ и которая оказывала самое вредное вліяніе на императрицу.

Съ вдовствующей императрицей, Маріей Ѳеодоровной, у Елизаветы Алексѣевны были самыя натянутыя отношенія. Она избѣгала даже по возможности жить въ одномъ съ ней дворцѣ. Въ апрѣлѣ 1812 года, то-есть, передъ началомъ отечественной войны, Елизавета Алексѣевна писала своей матери:

«...Это большой выигрышъ для меня, что я могу не нарушать своихъ привычекъ и не жить въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ императрица (Марія Ѳеодоровна) предполагаетъ провести лѣто. Она хочетъ заставить публику и даже меня думать, что императоръ потребовалъ, чтобы она осталась въ городѣ съ цѣлью успокаивать умы своимъ присутствіемъ и задавать тонъ обществу; это ея собственныя слова, и она дѣлаетъ видъ, что приноситъ большую жертву императору. Надо предоставить ей маленькое удовольствіе разыгрывать эту маленькую комедію, такъ какъ этимъ она никого не можетъ ввести въ обманъ... Нельзя безъ улыбки смотрѣть на тотъ важный видъ, какой придаетъ себѣ по этому случаю императрица, особенно, когда кто, какъ я, знаетъ объ истинномъ положеніи дѣлъ отъ самого императора: точно муха на рогахъ вола, которая говоритъ: и мы пахали».

Но такого рода отношенія къ Марьѣ Ѳеодоровнѣ меньше задѣвали императора, который самъ былъ далекъ отъ матери, чѣмъ отношенія

къ его любимой сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ. Екатерина Павловна была незаурядной женщиной. Фрейлина Струдза, не питавшая къ ней никакой склонности, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «Прекрасная, свѣжая, какъ Геба, она соединяла выразительность взгляда съ очарованіемъ улыбки. Глаза ея, блещущіе умомъ и веселостью, требовали довѣрія и вызывали его. Естественность въ манерахъ, одушевленность въ разговорѣ, прямота и основательность сужденій, когда они не были затемнены страстью, придавали этой принцессѣ совершенно исключительное очарованіе».

Въ жизни императора Александра ни одна женщина, быть можетъ, не играла такой серьезной роли, какъ его сестра Екатерина Павловна. У него было къ ней чувство болѣе горячее, чѣмъ обыкновенная братская привязанность. Ни съ кѣмъ онъ не дѣлился такъ охотно своими мыслями и планами, какъ съ ней. Онъ посвящалъ ее часто въ такія дѣла и намѣренія, которыя оставались тайною для всѣхъ, даже для ближайшихъ его сотрудниковъ.

Мысль о томъ, чтобы разстаться съ сестрой, отдавъ ея руку Францу или Наполеону, чрезвычайно не нравилась Александру, хотя сама Екатерина Павловна не прочь была занять видное положеніе царствующей императрицы. Но, узнавъ о рѣшеніи брата, она подчинилась ему, отклонила сватовство Наполеона и заявила, что она никогда не выѣдетъ изъ Россіи. Вскорѣ послѣ этого она съ согласія императора отдала свою руку принцу Ольденбургскому, человѣку, не отличавшемуся никакими блестящими свойствами, но искренно преданному ей и на котораго она могла надѣяться имѣть вліяніе. Императоръ назначилъ принца Ольденбургскаго тверскимъ губернаторомъ, и Екатерина Павловна немедленно устроила у себя блестящій дворъ, въ которомъ собирались многіе выдающіеся лю-

ди. Императоръ тоже нерѣдко навѣщалъ свою сестру и окружалъ ее знаками особой милости. «Она же,—пишетъ фрейлина Струдза,—не пренебрегала ничѣмъ, чтобы увеличить то вліяніе, которое она имѣла, по собственному убѣжденію, на императора».

Естественно, что императрица не могла спокойно относиться къ такой близости императора съ сестрой, въ то время, какъ отъ нея онъ все болѣе удалялся и совершенно не посвящалъ ее въ свои мысли и планы. Вся непріязнь Елизаветы Алексѣевны къ принцессѣ Ольденбургской сказалась въ ея письмѣ къ матери по поводу внезапной смерти принца Ольденбургскаго. «Это событіе (его смерть),—пишетъ она,—производитъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе при настоящихъ обстоятельствахъ, когда знаешь, что этотъ бѣдный принцъ былъ не болѣе, какъ орудіемъ честолюбія великой княгини Екатерины Павловны, орудіемъ, которое она направляла по собственному желанію. Она вышла за него замужъ потому, что она поняла (что было нетрудно), что она будетъ руководить имъ, какъ пожелаетъ. Она любила его по своему,—какъ можно не любить существо, которое живетъ только вами и смотритъ вашими глазами? Но на какую степень привязанности она способна, доказываетъ то, какъ она переноситъ смерть того, кого она, по ея словамъ, любила больше всего на свѣтѣ. Уже на другой день послѣ его смерти она занялась обсужденіемъ проектовъ своего будущаго устройства. Ахъ, мама, вы знаете, можно ли желать чего-нибудь другого, кромѣ смерти, когда теряешь того, кого любилъ больше всего въ мірѣ! Только время и совмѣстныя усилія религіи и разума могутъ вернуть къ этому міру. Но нельзя ждать плодовъ этихъ усилій черезъ двадцать четыре часа...

«Когда императоръ оставилъ армію въ іюлѣ мѣсяцѣ этого (1812) года, чтобы отправиться въ

Москву, принцъ Георгъ тоже оставилъ ее и отправился въ свою губернію, гдѣ производился наборъ войскъ. Утверждаютъ, хотя я не рѣшаюсь поручиться за это, что великая княгиня Екатерина составила въ то время проектъ отправиться вмѣстѣ съ мужемъ родить въ Москву, куда императоръ долженъ былъ вернуться послѣ посѣщенія Финляндіи, и играть тамъ первую роль. Какъ бы то ни было, она совершила въ то время позорное бѣгство изъ Петербурга, бѣгство, вызвавшее въ обществѣ тревогу, которую до сихъ поръ нельзя ей простить. Думали, что врагъ у воротъ Петербурга, такъ какъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ великая княгиня бѣжала со всѣмъ своимъ домомъ и со всѣми своими сокровищами, мужъ же ея ожидалъ ее за нѣсколько станцій.

«Она отправилась въ Тверь навстрѣчу императору, но такъ какъ императоръ задержался здѣсь, а непріятель, между тѣмъ, сталъ подступать, то ей пришлось ѣхать родить въ Ярославль. Между тѣмъ, Москва была взята, и всѣ ея прекрасные планы разлетѣлись.

«Какъ только она родила, она не дала ни отдыха, ни срока императору, требуя, чтобы ея мужъ былъ отправленъ въ армію; а такъ какъ ни императоръ, ни великій князь Константинъ тамъ не были, то цѣль тутъ могла быть одна—имѣть тамъ агента, который держалъ бы ее въ курсѣ дѣлъ; сама же она явилась сюда, чтобы интриговать въ свою пользу передъ императоромъ. Она недостаточно ловка для такого ненасытнаго честолюбія, какъ у нея, и въ этомъ случаѣ ея проекты поразили даже ея мать, которая какъ-то разъ воскликнула: «Я не понимаю, чего хочетъ Катерина: она владѣетъ прекраснѣйшей губерніей Россіи, и все еще недовольна!» Но ее попросили сидѣть смирно въ Ярославлѣ, а принцъ Георгъ не поѣхалъ въ армію. Она добилась лишь обѣщанія, что

онъ будетъ сопровождать императора, когда тотъ поѣдетъ туда; но такъ какъ непріятель сталъ поспѣшно отступать, то они вернулись въ Тверь, откуда она писала: «Я жду, я жду, и вотъ я въ Твери».

Вѣроятно, такое отчужденіе, даже непріязнь между этими тремя женщинами причиняли бы много горя императору, если бы уже давно его личная жизнь не шла совершенно отдѣльно отъ семьи. Ни для кого въ Петербургѣ не была тайной близкая дружба императора съ М. А. Нарышкиной, продолжавшаяся съ самаго его вступленія на престолъ. Александръ Павловичъ и самъ не считалъ нужнымъ особенно сильно скрывать это. Въ разговорѣ съ баронессой Эдлингъ въ іюлѣ 1814 года онъ подробно остановился на этой сторонѣ своей жизни.

«Я виновенъ, но не такъ сильно, какъ можно подумать,—говорилъ онъ.—Правда, когда несчастныя обстоятельства нарушили мое семейное счастье, я привязался къ другой женщинѣ; но я воображалъ, вѣроятно, ошибочно, и теперь ясно это чувствую, что, такъ какъ насъ съ женой соединили по постороннимъ соображеніямъ безъ нашего участія, то мы свободны передъ лицомъ Бога, хотя и соединены въ глазахъ людей. Мое званіе заставляетъ меня соблюдать внѣшнія формы, но я считалъ себя свободнымъ располагать своимъ сердцемъ, и въ теченіе пятнадцати лѣтъ я былъ вѣренъ госпожѣ Нарышкиной. Но я не могу упрекать себя въ томъ, что дѣйствовалъ путемъ соблазна. Я могу сказать совершенно искренно, что мысль побудить кого-нибудь поступать противъ совѣсти внушала мнѣ всегда отвращеніе. Она находилась въ такомъ же положеніи, какъ и я, и впала въ ту же ошибку. Мы оба воображали, что намъ не въ чемъ упрекнуть другъ друга. Хотя позднѣе я яснѣе понялъ свой долгъ, но у меня никогда бы не хватило смѣлости разорвать эти

дорогія для меня узы, если бы она сама, во время моего послѣдняго путешествія въ Петербургъ, не попросила меня объ этомъ. Горе мое было невыразимо; но причины, которыя она выставила, были слишкомъ благородны, слишкомъ высоко поднимали ее и въ глазахъ свѣта, и въ моихъ собственныхъ, чтобы я могъ противиться этому. Къ тому же, какъ я уже говорилъ вамъ, я никогда не пытался прибѣгать къ соблазну. И я подчинялся жертвѣ, которая разбила мнѣ сердце и отъ которой оно до сихъ поръ обливается кровью, и для меня служитъ большимъ утѣшеніемъ встрѣтить кого-нибудь, кто меня выслушаетъ и посочувствуетъ мнѣ».

«У меня, дѣйствительно, были слезы на глазахъ, — продолжаетъ баронесса Эдлингъ, — и я жалѣла, что такая сладкая иллюзія не можетъ долго продолжаться, предвидя, что рано или поздно онъ узнаетъ объ истинной причинѣ отдаленія госпожи Нарышкиной. Тѣмъ не менѣе, я не подумала сообщить ему о ней. Достаточно было того, что она удалилась, чтобы попытаться сблизить императора съ его супругой». Баронесса перевела разговоръ на политику, и, когда Александръ сталъ развивать передъ ней свои широкіе планы, она спросила его:

— Но, государь, кому же вы поручите завершить послѣ васъ эти благородныя намѣренія?

— Я васъ понимаю,—сказалъ императоръ,— вы повторяете тотъ упрекъ, который часто мнѣ дѣлали, но на который я никогда не отвѣчалъ. Передъ вами я не хочу отмалчиваться, обсудимъ прямо вопросъ. Вы хотите сказать, что я долженъ подумать о томъ, чтобы оставить наслѣдника имперіи: но въ немъ нѣтъ недостатка.

— Конечно, государь, но, не говоря уже о томъ, что вашъ народъ желалъ бы, чтобы вашимъ преемникомъ былъ сынъ, похожій на васъ, я не могу скрыть отъ васъ, что великій князь Константинъ внушаетъ опасенія, и что

я не могу не раздѣлять въ этомъ отношеніи общихъ мнѣній

— Быть можетъ, люди ошибаются,—сказалъ императоръ,—возрастъ успокаиваетъ страсти, онъ уже значительно измѣнился. Кромѣ того,—продолжалъ государь,—онъ приблизительно моего возраста, и я думаю не о немъ, такъ какъ, согласно законамъ природы, мы должны умереть вскорѣ одинъ послѣ другого; но есть еще мой братъ Николай. Развѣ онъ не можетъ быть наслѣдникомъ?

— Великій князь Николай подаетъ блестящія надежды,—отвѣчала баронесса,—но все-таки онъ не вашъ сынъ.

— Э, почему вы такъ увѣрены, что мой сынъ, если бы онъ былъ у меня, былъ бы лучше моего брата Николая. Этотъ уже выросъ; знаешь, чего отъ него можно ожидать. Я бы, во всякомъ случаѣ, могъ оставить послѣ себя только ребенка, малолѣтство котораго подвергло бы имперію тысячѣ опасностей. Нѣтъ, нѣтъ, повѣрьте мнѣ, я не дѣлаю на этотъ счетъ никакихъ иллюзій; все къ лучшему. Въ нашемъ возрастѣ дружба, довѣріе, вполнѣ достаточны для счастья; мы должны забыть прошлое, и я, увѣряю васъ, очень склоненъ провести остатокъ моихъ дней въ покоѣ, безъ страстей, въ спокойной дружбѣ».

Слова, сказанныя императоромъ баронессѣ Эдлингъ по поводу Николая Павловича, выражали не случайно мелькнувшую у него мысль. Они соотвѣтствовали глубокому и обдуманному намѣренію императора, только по обыкновенію скрытому отъ всѣхъ тѣхъ, кто считалъ себя облеченнымъ довѣріемъ государя. По закону наслѣдникомъ Александра Павловича, въ случаѣ его бездѣтности, являлся его старшій братъ Константинъ Павловичъ. Но Константинъ еще съ памятной ночи 11-го марта твердо и категорически заявилъ, что никогда не приметъ престола. Онъ не разъ подтверждалъ старшему брату это

свое рѣшеніе и, наконецъ, въ 1822 году облекъ его въ форму офиціальнаго отреченія отъ престола въ пользу слѣдующаго за нимъ брата, Николая Павловича. Императоръ одобрилъ его рѣшеніе и написалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ своимъ наслѣдникомъ Николая. Все это было оформлено и облечено въ офиціальные акты, но, по странной фантазіи государя, было окружено глубочайшей тайной. Даже непосредственно заинтересованныя въ этомъ актѣ лица—Николай и Константинъ,—не были освѣдомлены о существованіи манифеста. Константинъ зналъ только о согласіи императора на его отреченіе, но не имѣлъ понятія о формѣ, въ какую государь облекъ свою волю. Николай не зналъ даже и этого. Только разъ, въ 1819 году, государь въ откровенномъ разговорѣ съ Николаемъ и его женой сказалъ имъ, что Константинъ Павловичъ имѣетъ въ виду отказаться отъ престола и тогда тронъ перейдетъ къ Николаю. Но о томъ, осуществилось ли это на дѣлѣ и въ какой формѣ, Николай Павловичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Единственными лицами, посвященными въ эту государственную тайну, были митрополитъ Филаретъ, составлявшій по порученію государя текстъ манифеста, Голицынъ, бывшій посредникомъ между государемъ и Филаретомъ, и Аракчеевъ, пріобрѣтавшій съ теченіемъ времени все большее вліяніе на императора. Но всѣ эти лица были связаны клятвой о молчаніи. Эта непостижимая страсть къ таинственности, имѣвшая своимъ источникомъ подозрительность и внутреннюю неустойчивость Александра, привела, какъ извѣстно, къ чрезвычайнымъ осложненіямъ, сопровождавшимъ его смерть.

ГЛАВА VIII.

Полоса мистицизма.

Еще съ самаго вступленія на престолъ въ характерѣ императора Александра чувствовалось нѣкоторое тяготѣніе къ мистицизму. Подъ вліяніемъ войны 1812 года и послѣдующихъ событій, въ которыхъ онъ считалъ себя орудіемъ Провидѣнія, настроеніе это выросло и осложнилось. Оно сказалось особенно ярко въ одномъ эпизодѣ, роль въ которомъ опять играла женщина.

Въ Европѣ въ это время пользовалась извѣстностью баронесса Крюднеръ, происходившая изъ литовской аристократической семьи и бывшая замужемъ за русскимъ дипломатомъ, нѣмцемъ по рожденію, барономъ Крюднеръ. Бракъ Юліанны Крюднеръ былъ несчастливъ; живая, честолюбивая и экзальтированная молодая женщина представляла полную противоположность своему солидному и уравновѣшенному мужу. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обоюдныхъ непріятностей, баронъ Крюднеръ отвезъ свою жену обратно къ родителямъ, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1802 году, самъ умеръ. Съ этихъ поръ баронесса Крюднеръ становится настоящей космополиткой; она переѣзжаетъ изъ одной европейской столицы въ другую и вездѣ старается завязывать связи и играть роль, что ей въ значительной степени удается, благодаря ея одаренности и умѣнью вліять на людей. Въ это время она пишетъ романъ «Валерія», имѣвшій большой успѣхъ. Но мало-по-малу свѣтскіе успѣхи перестали удовлетворять баронессу Крюднеръ, ея честолюбіе стало искать себѣ другого примѣненія. Ея экзальтація нашла себѣ пищу въ религіозномъ мистицизмѣ, она подпала подъ сильное вліяніе извѣстнаго мистика и визіонера того времени, Юнга-Стиллинга, и сочла себя призванной проповѣдывать христіанство.

Сначала она довольствовалась тѣмъ, что про повѣдывала среди несчастныхъ и обездоленныхъ въ больницахъ и тюрьмахъ, но потомъ передъ ней открылись болѣе широкія и интересныя перспективы. Она познакомилась съ фрейлиной императрицы Елизаветы—Струдзой, и отъ нея узнала о характерѣ настроеній императора Александра. Это крайне заинтересовало ее, и она рѣшила употребить всѣ усилія, чтобы получить доступъ къ нему и направить на путь, который она считала истиннымъ, эту коронованную голову. Зная о томъ, что фрейлина Струдза пользуется довѣріемъ императора и что онъ говоритъ съ ней охотнѣе и откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было изъ окружавшихъ его въ то время, баронесса начинаетъ писать ей письма, полныя глубокаго мистическаго смысла и таинственныхъ намековъ, которыя,—она была увѣрена,—станутъ извѣстны Александру и произведутъ на него впечатлѣніе. «Гроза приближается,—писала она въ одномъ изъ этихъ писемъ,—эти лиліи, которыя сохранилъ Предвѣчный, эта эмблема чистаго и хрупкаго цвѣтка, разбивающаго желѣзный скипетръ, потому, что этого пожелалъ Всемогущій, эти лиліи, которыя могли бы призвать къ любви къ Богу, къ раскаянію, появились только для того, чтобы исчезнуть. Урокъ данъ, и люди, болѣе ожесточившіеся, чѣмъ когда-нибудь, только и мечтаютъ, что о смутахъ».

Расчетъ баронессы Крюднеръ оказался совершенно вѣрнымъ. Фрейлина Струдза не замедлила познакомить Александра съ интересною личностью новой проповѣдницы религіи и съ ея мистическими пророчествами. Александръ заинтересовался ею и просилъ фрейлину написать ей, что будетъ очень радъ возможности встрѣтиться съ нею лично.

«Я уже давно знаю,—отвѣтила баронесса,—что Господь дастъ мнѣ радость видѣть его;

если я буду жива, это будетъ одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни. Я имѣю множество сказать ему, потому что я испытала многое по его поводу. Господь одинъ можетъ приготовить его сердце къ принятію ихъ; я не безпокоюсь объ этомъ; мое дѣло—быть безъ страха и упрека, его дѣло—преклониться передъ Христомъ, истиной». Чтобы еще болѣе возбудить въ Александрѣ желаніе увидѣть ее, баронесса оттягивала свиданіе, ссылаясь на то, что «князь тьмы» противится ихъ встрѣчѣ. Но это не смущало баронессу. «Богъ,—писала она,—который любитъ пользоваться тѣми, кто въ глазахъ свѣта служитъ предметомъ униженія и насмѣшекъ, приготовилъ мое сердце къ смиренію, которое не ищетъ одобренія людей. Я только ничтожество, Онъ—все, и земные цари трепещутъ передъ нимъ». Наконецъ, такъ искусно подготовленное свиданіе состоялось, и самъ Александръ былъ склоненъ видѣть въ немъ нѣчто мистическое.

Жизнь въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ Гейльбронѣ была сопряжена для Александра съ исполненіемъ нѣкоторыхъ родственнымъ обязанностей и требованій этикета, которыя утомляли его.

«Наконецъ, я вздохнулъ свободнѣе,—описывалъ онъ позднѣе фрейлинѣ Струдзѣ памятный для него вечеръ.—И первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая всегда со мною; но отуманенный мозгъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго. Мысли мои были безсвязны, сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ утѣшеніемъ для меня въ подобную минуту была бы бесѣда съ сочувствующимъ мнѣ душевно человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ, и о томъ, что вы мнѣ говорили о г-жѣ Крюднеръ, а также о желаніи познакомиться съ нею, высказанномъ мною вамъ. Гдѣ она теперь находится?—спрашивалъ я себя,—и какъ мнѣ встрѣтиться съ нею? Никогда! Не успѣлъ

я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады онъ сказалъ мнѣ, что поневолѣ безпокоитъ меня въ такой часъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Крюднеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи! Мнѣ казалось, что это сновидѣніе! Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ сильными и утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея появленіе оказалось для меня благодѣяніемъ, и я далъ себѣ слово продолжать это, столь для меня дорогое, знакомство».

Баронесса Крюднеръ заговорила съ Александромъ тономъ пророчицы, читающей въ его душѣ и указывающей ему путь къ спасенію. Ни тѣни сомнѣнія не было въ ея рѣчахъ. На вѣчно колеблющагося и неувѣреннаго ни въ чемъ Александра такой тонъ оказывалъ магическое дѣйствіе.

«Нѣтъ, государь,—говорила она ему,—вы еще не приблизились къ Богочеловѣку, какъ преступникъ, просящій о помилованіи. Вы еще не получили помилованія Того, Кто одинъ имѣетъ власть разрѣшать грѣхи на землѣ. Вы еще остаетесь въ своихъ грѣхахъ. Вы еще не смирились передъ Іисусомъ, не сказали, какъ мытарь, изъ глубины сердца: Боже, я великій грѣшникъ, помилуй меня! И вотъ почему вы не находите душевнаго мира. Послушайте слова женщины, которая тоже была великой грѣшницей, но нашла прощеніе всѣхъ своихъ грѣховъ у подножія креста Христова». Въ этомъ родѣ г-жа Крюднеръ говорила государю въ теченіе почти трехъ часовъ. Александръ могъ сказать только нѣсколько отрывочныхъ словъ; опустивъ

голову на руки, онъ проливалъ обильныя слезы. Всѣ слова, имъ слышанныя, были, по выраженію Писанія, точно обоюдоострый мечъ, проникающій до самой глубины души и духа и судящій чувствованія и помышленія сердца. Наконецъ, г-жа Крюднеръ, испуганная тѣмъ тревожнымъ состояніемъ, въ какое ея слова повергли Александра, сказала ему: «Государь, я прошу васъ простить мнѣ тонъ, которымъ я говорила. Повѣрьте, что я со всей искренностью сердца и передъ Богомъ сказала вамъ истины, которыя еще не были сказаны вамъ. Я только исполнила священный долгъ относительно васъ».

— Не бойтесь, — отвѣчалъ Александръ, — всѣ ваши слова нашли мѣсто въ моемъ сердцѣ; вы помогли мнѣ открыть въ себѣ самомъ то, чего я еще никогда не подмѣчалъ въ себѣ; я благодарю за это Бога, но мнѣ нужно часто имѣть такіе разговоры, и я прошу васъ не удаляться.

Баронесса Крюднеръ, дѣйствительно, послѣ этого поселилась въ Гейльбронѣ, потомъ, вслѣдъ за государемъ, переѣхала въ Гейдельбергъ и, наконецъ, въ Парижъ. Разговоры съ ней стали настоятельной потребностью Александра, и все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ мистически-религіозное настроеніе.

«Я могу увѣрить васъ,—говорилъ Александръ постоянному спутнику и единомышленнику баронессы Крюднеръ, Эмпейтазу,—что часто, когда мнѣ случалось бывать въ затруднительныхъ положеніяхъ, я всегда выходилъ изъ нихъ молитвой. Я скажу вамъ нѣчто, что чрезвычайно удивило бы всѣхъ, если бы было извѣстно: когда въ совѣщаніяхъ съ министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они оказываются противоположныхъ мнѣній, я, вмѣсто того, чтобы спорить, творю внутреннюю молитву, и мало-помалу они приближаются къ принципамъ человѣколюбія и справедливости».

Въ Парижѣ императоръ Александръ продол-

жалъ поддерживать постоянныя отношенія съ баронессой Крюднеръ, посѣщалъ ее черезъ день и проводилъ въ разговорахъ съ нею по нѣсколько часовъ подрядъ, обыкновенно, съ девяти или десяти часовъ вечера до двухъ или до трехъ часовъ ночи. Подъ вліяніемъ баронессы Александръ рѣшилъ положить свои теперешнія религіозныя воззрѣнія въ основу международной политики, замѣнивъ заключавшіеся до сихъ поръ политическіе договоры священнымъ союзомъ между монархами. Мысль эта была приведена имъ въ исполненіе, и, при помощи баронессы Крюднеръ и ея помощника Эмпейтаза, былъ выработанъ текстъ «Священнаго Союза», который и былъ предложенъ королю прусскому и и императору австрійскому. Францъ и Фридрихъ Вильгельмъ, къ большой радости Александра, безъ возраженій подписали новый договоръ, справедливо полагая, что благочестивыя слова, которыми былъ пересыпанъ текстъ, ничего не измѣняли въ существѣ отношеній между тремя государствами и ихъ монархами.

Передъ отъѣздомъ изъ Франціи Александръ устроилъ въ Шалонѣ великолѣпное празднество, на которомъ должна была присутствовать и баронесса Крюднеръ; благодаря исключительному вниманію, которое государь оказывалъ на этомъ военномъ торжествѣ г-жѣ Крюднеръ, не занимавшей никакого офиціальнаго положенія, празднество это превратилось въ настоящій тріумфъ для нея. Послѣ этого императоръ уѣхалъ изъ Франціи, оставивъ по себѣ смутное впечатлѣніе, — избавителя, презиравшаго націю, якобы освобожденную имъ отъ ига «корсиканскаго злодѣя», деспота съ либеральными словами на устахъ, мистика, скрывавшаго подъ благочестивыми фразами честолюбивые и властолюбивые замыслы.

Въ Россію Александръ вернулся все въ томъ же мистически-религіозномъ настроеніи. За от-

сутствіемъ баронессы Крюднеръ, онъ приблизилъ къ себѣ князя Голицына; который послѣ бурно проведенной молодости «влѣзъ по уши въ мистицизмъ» и готовъ былъ всячески поощрять религіозное направленіе государя. Основанное имъ «Россійское Библейское Общество» стало быстро развиваться, образуя въ разныхъ городахъ отдѣленія.

Въ 1817 году было образовано особое министерство, получившее наименованіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Во главѣ его былъ поставленъ князь Голицынъ. Новому министерству были подчинены всѣ учебныя заведенія государства, и оно должно было заботиться о томъ, «дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія». Всѣ науки, преподаваемыя въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по мысли, легшей въ основу этого учрежденія, должны были быть согласованы съ богословіемъ. Карамзинъ, бывшій самъ человѣкомъ религіознымъ, называлъ новое министерство «министерствомъ затмѣнія». «Соединеніе двухъ министерствъ,— писалъ онъ Дмитріеву,—послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія... Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемѣровъ».

Но Голицынъ и духовное министерство не надолго удовлетворили Александра. Послѣ возвращенія въ Россію, мистически-религіозное настроеніе все съ большей силой овладѣвало имъ и принимало все болѣе мрачный, удалявшій его отъ жизни характеръ. Передъ нимъ вставали тѣни, омрачившія его вступленіе на престолъ и временно разогнанныя свѣтомъ тѣхъ широкихъ задачъ, какія онъ себѣ тогда ставилъ. Нѣкоторыя изъ этихъ задачъ, касавшіяся международныхъ дѣлъ, онъ считалъ достигнутыми, другія, теперь, подъ вліяніемъ новаго настроенія,

казались ему грѣховными. Свѣтлые планы обширныхъ внутреннихъ преобразованій онъ считалъ теперь вредными увлеченіями молодости, толкнувшими его на тотъ путь, на которомъ его ждало молчаливое соучастіе въ преступленіи. И виновнымъ въ этомъ онъ считалъ не только себя, но и тѣ либеральныя идеи, ради которыхъ, какъ ему казалось, онъ согласился взять на себя бремя правленія. Именно поэтому мистицизмъ, въ который все глубже уходилъ Александръ, носилъ такой опредѣленный реакціонный характеръ. Онъ видѣлъ въ либерализмѣ причину той внутренней пытки, какая жила въ его душѣ, все обостряясь во все время его царствованія. Ему нуженъ былъ человѣкъ, который принялъ бы на себя роль его судьи и далъ исходъ жившей въ немъ потребности въ самобичеваньи и въ то же время сообщилъ религіозную санкцію гоненію противъ всего, что самъ онъ поощрялъ въ первые годы царствованія. Такимъ человѣкомъ явился извѣстный въ то время въ Петербургѣ фанатикъ и изувѣръ, архимандритъ Сковородского монастыря—Фотій.

Слава о строгости монашеской жизни Фотія, о религіозныхъ подвигахъ, совершенныхъ имъ, и о посѣщающихъ его пророческихъ видѣніяхъ дошла до императора, и онъ пожелалъ лично узнать благочестиваго инока. Фотій обставилъ посѣщеніе дворца такъ, чтобы произвести наибольшее впечатлѣніе на Александра и сразу подчинить его своему вліянію.

Онъ шелъ по дворцу, точно по притону порока крестя вокругъ себя воздухъ, чтобы отогнать отъ себя «тьмы силъ вражіихъ». Войдя въ кабинетъ, онъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ государя, долго разыскивалъ глазами образъ и потомъ продолжительно крестился и только послѣ того разрѣшилъ императору подойти подъ его благословеніе. Прежде чѣмъ занять, указаное ему мѣсто рядомъ съ государемъ, онъ тоже долго

крестился, крестилъ государя и стулъ, на который долженъ былъ сѣсть. Въ первомъ же разговорѣ Фотій сталъ предупреждать государя противъ тайныхъ враговъ его и православной церкви, рекомендуя ему неустанно бороться съ ними. «Противу тайныхъ враговъ,—говорилъ онъ,—тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надо открыто запретить и поступать».

Александръ слушалъ молча, закрывъ лицо руками, а когда Фотій окончилъ свою экзальтированную, смутную, кому-то угрожающую рѣчь, Александръ всталъ весь потрясенный и сказалъ:

— Возложи, руцѣ твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню мнѣ, прости и разрѣши мя.

Фотій благословилъ его, а государь упалъ передъ нимъ на колѣни и поцѣловалъ его руку.

Результаты разговоровъ съ Фотіемъ не замедлили сказаться. 1 августа 1822 года появился рескриптъ, которымъ запрещались масонскія ложи и всѣ другія тайныя общества, подъ какими бы то ни было наименованіями. Эта рѣшительная мѣра, какъ это часто бываетъ, оказала дѣйствіе какъ разъ обратное тому, какое отъ нея ожидалось. Тайныя общества стали только болѣе тайными и пріобрѣли, какъ мы увидимъ, болѣе опредѣленный политическій характеръ, чѣмъ они прежде имѣли.

Но Фотій не ограничился преслѣдованьемъ тайныхъ обществъ, онъ видѣлъ крамолу и измѣну вездѣ, даже среди самыхъ истинно религіозныхъ людей и преданныхъ слугъ царя. Онъ боялся всякаго умѣряющаго вліянія на Александра и желалъ отстранить отъ него всѣхъ близкихъ ему. Голицынъ, самъ мистикъ и съ юности ближайшій другъ государя, тоже навлекъ на себя немилость монаха. Разбудить подозрительность Александра не стоило труда, и Голицынъ совершенно неожиданно получилъ отставку отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Самое

министерство тоже было вслѣдъ затѣмъ вновь преобразовано въ министерство только просвѣщенія, духовныя же дѣла всѣ были сосредоточены въ св. Синодѣ.

Постепенно Александръ удалилъ отъ себя всѣхъ безъ исключенія прежнихъ друзей. Рядомъ съ мрачной фигурой Фотія около него въ это время остался лишь одинъ человѣкъ, который по праву далъ свое имя послѣдней эпохѣ царствованія Александра. Онъ олицетворялъ въ себѣ все то худшее, къ чему пришелъ Александръ въ своей несчастной борьбѣ съ самимъ собой.

ГЛАВА IX.

Аракчеевская эпоха.

Фотій и Аракчеевъ—это два наиболѣе яркіе символа конца царствованія Александра.

Если Фотій помогъ Александру выступить открыто на борьбу съ тѣмъ, что онъ уже давно сталъ считать вреднымъ и опаснымъ заблужденіемъ, то Аракчеевъ далъ ему возможность осуществлять то, что онъ считалъ теперь единственнымъ полезнымъ и спасительнымъ для Россіи.

Непреклонный и всеподавляющій деспотизмъ—вотъ въ чемъ заключался новый идеалъ императора, а средствами должны были служить проникающая по возможности всю жизнь военная дисциплина и широко развитое шпіонство.

Выработать частности этой системы и составляло задачу Аракчеева. Императоръ въ этомъ отношеніи вполнѣ положился на него. Все проходило черезъ его руки, государь не желалъ ничего разсматривать помимо него и на все началъ смотрѣть его глазами. «Безъ лести преданный» графъ сталъ истиннымъ вершителемъ судебъ Россіи. При его дѣятельномъ участіи осуществилась въ это время одна изъ самыхъ пагубныхъ мѣръ Александровскаго царствованія—введеніе военныхъ поселеній.

Высказывалось предположеніе, что эта мѣра не можетъ быть поставлена на счетъ Аракчееву, такъ какъ она была изобрѣтена лично Александромъ и даже будто бы не встрѣтила одобренія со стороны графа. Однако, никакихъ письменныхъ доказательствъ того, что Аракчеевъ не сочувствовалъ военнымъ поселеніямъ, не сохранилось, и, наоборотъ, все осуществленіе этого проекта цѣликомъ дѣло рукъ Аракчеева.

Мысль о сліяніи воина и пахаря родилась у Александра еще въ 1810 г., подъ вліяніемъ одного французскаго сочиненія по этому вопросу. Но внѣшнія осложненія и войны заставили императора надолго отложить попытки ея осуществленія. Тѣмъ не менѣе онъ не забылъ ее, и въ 1816 году, по возвращеніи изъ Европы, онъ рѣшилъ приступить къ ней на практикѣ. Мысль его заключалась въ томъ, чтобы вернуть солдата къ сохѣ и пріучить крестьянина къ ружью. Достигаться это должно было тѣмъ, что полкамъ отводились для поселенія извѣстныя волости, и населеніе этихъ волостей считалось приписаннымъ къ нимъ, дѣти получали званіе кантонистовъ и подготовлялись къ военному ремеслу, взрослые, способные носить оружіе крестьяне тоже облекались въ военную форму и въ свободное отъ сельской работы время обучались обращенію съ оружіемъ и военному строю. Солдатамъ же отводилась земли и предоставлялось, кромѣ военной службы, заниматься хлѣбопашествомъ.

«Желая съ одной стороны изъявить особенное вниманіе къ заслугамъ побѣдоносныхъ нашихъ воиновъ, — писалось въ рескриптѣ полкамъ, назначаемымъ на военное поселеніе,—съ другой— отвратить всю тягость, сопряженную для любезновѣрныхъ нашихъ подданныхъ съ нынѣ существующею рекрутскою повинностью, по коей поступившіе на службу должны находиться въ отдаленіи отъ своей родины, въ разлукѣ съ своими семействами и родными, что, естественно, устрашаетъ

ихъ при самомъ вступленіи въ службу и тоскою по своей родинѣ ослабляетъ ихъ силы и новое состояніе ихъ дѣлаетъ имъ несноснымъ,—съ отеческимъ попеченіемъ занимались мы средствами сдѣлать переходъ сихъ людей въ военное состояніе нечувствительнымъ и самую службу менѣе тягостной, положили въ основаніе то правило, чтобы въ мирное время солдатъ, служа отечеству, не былъ отдаленъ отъ своей родины, и посему мы приняли непреложное намѣреніе дать каждому полку свою осѣдлость въ извѣстномъ округѣ земли и опредѣлить на укомплектованіе онаго единственно самихъ жителей сего округа»...

За ближайшіе годы т р е т ь всей русской арміи была переведена на военныя поселенія. При этомъ императоръ былъ такъ убѣжденъ въ полезности новой мѣры, что онъ счелъ излишнимъ проводить ее въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, черезъ сенатъ, а совершилъ все личнымъ своимъ приказаніемъ, при посредствѣ графа Аракчеева. Графъ съ своей стороны всячески поддерживалъ императора въ убѣжденіи, что новая мѣра является истиннымъ благодѣяніемъ какъ для поселенныхъ частей войскъ, такъ и для мѣстнаго населенія. При описаніи того, какъ обстояло дѣло въ новыхъ поселеніяхъ, Аракчеевъ рисуетъ настоящія идилліи:

«Въ военномъ поселеніи,—пишетъ онъ государю отъ 6-го іюня 1817 года,—слава Богу, все благополучно; дѣти военныхъ поселянъ отъ 6-ти до 18-ти лѣтъ всѣ обмундированы. Обмундированіе, по моему распоряженію, началось въ одинъ день съ 6 часовъ утра, при ротныхъ командирахъ, въ четырехъ мѣстахъ вдругъ, и продолжалось такимъ образомъ, къ центру изъ одной деревни въ другую, причемъ ни малѣйшихъ непріятностей не встрѣчалось, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ, которыя плакали, думая, что вмѣстѣ съ обмундированіемъ возьмутъ отъ нихъ дѣтей; но когда увидѣли, что одѣвши, отдали имъ дѣтей и приказали въ то же

время заниматься крестьянскою работою, то и онѣ всѣ успокоились. Касательно же обмундированья дѣтей, то на нихъ я любовался; они стараются поскорѣе окончить свои работы, а, возвратясь домой, умывшись, вычистить и подтянуть свои платья и немедленно гуляютъ кучами изъ одной деревни въ другую, а когда съ кѣмъ повстрѣчаются, то становятся и сами уже во фрунтъ и снимаютъ шапки...

«Окончивъ съ Божьею помощью сіе, я приступлю скоро и къ слѣдующему окончательному распоряженію... Во всѣхъ деревняхъ розданы будутъ мундиры, и всѣмъ крестьянамъ до 46 лѣтъ приказано будетъ въ одинъ день по всѣмъ деревнямъ одѣться въ мундиры и оставаться въ оныхъ навсегда, употребляя оные же ежедневно во всѣхъ своихъ работахъ. Волосы же стричь и бороды брить я не велю, а оставляю ихъ въ нынѣшнемъ положеніи, ибо сіе само по себѣ временемъ сдѣлается».

Дальше Аракчеевъ доноситъ: «Всеподданѣйше доношу вашему величеству, что всѣ годные на службу люди въ Высоцкой волости обмундированы и работаютъ уже въ мундирахъ. Сіе окончено столь тихо и успѣшно, что я и самъ не ожидалъ. Многое число жителей уже остригло бороды, а другіе и выбрили, говоря, что непристойно уже въ мундирѣ быть и въ бородѣ. И такъ, всемилостивѣйшій государь, я, кажется, не праздно жилъ здѣсь, успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ хорошо и успѣшно, когда здѣсь ближніе къ столицѣ крестьяне, 235 человѣкъ, и ихъ дѣти, 165 человѣкъ, надѣли военный мундиръ».

Насколько начало это было «хорошее», видно изъ того, что въ то самое время, когда Аракчеевъ описывалъ государю удовольствіе крестьянъ по поводу новой реформы, эти самые крестьяне пытались всѣми способами избавиться отъ этого

благодѣянія. Отчаявшись подѣйствовать просьбами на свое непосредственное начальство и самого Аракчеева, они рѣшили послать ходоковъ къ самому государю, чтобы просить его заступничества и отмѣны тягостной обузы. Ходоки эти благополучно добрались до Петербурга, но тутъ о нихъ донесли Аракчееву, и онъ, какъ пишетъ его собственный адъютантъ Мартосъ, «успѣлъ схватить черезъ полицію своихъ пріятелей на Сѣнной площади, велѣлъ привести ихъ къ себѣ, раздѣлъ до-чиста въ своемъ кабинетѣ, обыскалъ, получилъ просьбу, на него написанную въ сильныхъ выраженіяхъ, довольно справедливымъ языкомъ, и какъ эти вещи нельзя было скрыть отъ государя, то я увѣренъ, что онъ явился съ душевнымъ прискорбіемъ и умиленнымъ тономъ представить жалобы нѣкоторыхъ строптивыхъ крестьянъ, а между тѣмъ, велѣлъ посадить ихъ въ погребъ, что въ арсеналѣ на заднемъ дворѣ, дабы жаркіе майскіе дни не могли дѣйствовать на ихъ здоровье и солнечными теплыми лучами не разслабили ихъ нервы». Вслѣдъ затѣмъ, Аракчеевъ велѣлъ взять на мѣстѣ и привести въ Петербургъ всѣхъ «зачинщиковъ», а также вытребовать туда же и адъютанта Мартоса, котораго онъ обвинялъ въ недосмотрѣ. «Знаешь ли ты,— кричалъ онъ, когда тотъ явился на его требованіе,—что ты долженъ за честь считать, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ! Ты долженъ быть правою рукою, а хочешь быть добрымъ человѣкомъ, хочешь жить дружно съ міромъ, съ офицерами, съ мужиками! Ты (величественно возвышаетъ сиповатый голосъ) долженъ быть тамъ, какъ собака на цѣпи, тогда будешь мой настоящій адъютантъ!»

Конечно, прошеніе крестьянъ не имѣло никакихъ результатовъ, но они на этомъ не остановились. Они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы умолять объ отмѣнѣ военныхъ поселеній. Они останавливали при проѣздѣ государыню, Марію

Ѳеодоровну, умоляя ее попросить за нихъ императора, а осенью 1817 года, когда великій князь Николай Павловичъ съ прусскимъ принцемъ Вильгельмомъ ѣхалъ въ Москву, по дорогѣ, изъ лѣса вышло нѣсколько сотъ крестьянъ и, упавъ на колѣни, умоляли его принять отъ нихъ прошеніе. «Можете судить,—пишетъ тотъ же Мартосъ,—сколь поразила подобная встрѣча; они всѣ бросаются на колѣни, плачутъ крикомъ своимъ и просятъ, дабы ихъ пощадили. Женщины и дѣвки пѣли grimo въ сей мелодіи; но великій князь отдѣлался словами и продолжалъ дорогу».

Наконецъ, крестьяне добрались даже до Варшавы, умоляя вступиться за нихъ цесаревича, Константина Павловича. Но и тотъ, по примѣру Николая, отстранилъ это отъ себя, отправивъ депутатовъ прямо къ Аракчееву на расправу.

Крестьяне соглашались на всякія жертвы, чтобы только избавили ихъ отъ повальной рекрутской повинности.

«Прибавь намъ подать,—говорили они, по словамъ того же Мартоса,—требуй отъ каждаго дома по сыну на службу, отбери все и выведи насъ въ степь,—мы охотнѣе согласимся, у насъ есть руки, мы и тамъ примемся работать и тамъ будемъ жить счастливо, но не тронь нашей одежды, обычаевъ отцовъ нашихъ, не дѣлай всѣхъ насъ солдатами». Когда крестьяне убѣдились, что всѣ ихъ просьбы и мольбы ни къ чему не приводятъ, то тутъ, то тамъ стали возникать безпорядки, населеніе начало оказывать сопротивленіе насильственному благодѣтельствованію.

«Происшествіе, когда крестьяне показали свое нерасположеніе броситься въ объятія благополучія и стали шевелиться, принудило раздѣлить ихъ по ротамъ и увеличить постои. Теперь мужикъ, котораго жаждутъ осчастливить, долженъ кормить по 8, 10 и даже по 12 солдатъ.» Государю, конечно, объ этихъ мѣрахъ ничего не со-

общалось, и онъ оставался въ увѣренности, что населеніе блаженствуетъ. Аракчеевъ, постоянно докладывавшій императору, что въ военныхъ поселеніяхъ все обстоитъ прекрасно, пожелалъ наконецъ показать императору воочію, какой рай водворился на русской землѣ, благодаря счастливой идеѣ государя и неослабной энергіи «безъ лести преданнаго» исполнителя его воли. Александръ охотно согласился посѣтить своего друга въ Грузинѣ, центрѣ военныхъ поселеній. Путешествіе это было инсценировано по образцу знаменитаго путешествія Екатерины Великой на югъ, устроеннаго Потемкинымъ.

На пути государь видѣлъ только довольныя лица, прекрасно вымощенныя дороги, по которымъ крестьянамъ строго запрещено было ѣздить, и чистенькіе, удобно обмеблированные домики, гдѣ его встрѣчали вымуштрованные хлѣбопашцы-солдаты съ нарядными женами и ребятишками въ чистыхъ мундирчикахъ. Все неудобное было тщательно убрано подальше, подавать какія-нибудь прошенія или выражать хоть тѣнь неудовольствія было запрещено подъ страхомъ жестокихъ наказаній. Государь вернулся довольный, и болѣе чѣмъ когда-нибудь благодарный Аракчееву. Передъ нимъ уже носилась мечта о Россіи, превращенной въ рядъ построенныхъ по одному плану поселеній, гдѣ по гладкимъ дорогамъ маршируютъ облеченные въ мундиры крестьяне и царитъ всеобщее довольство, основанное на безпрекословномъ повиновеніи начальству.

Однако, эта военнопоселенная идиллія была еще очень далека отъ осуществленія. Ни угрозы, ни постои, ни наказанія не могли предотвратить взрывовъ общаго недовольства, вспыхивавшаго то тутъ, то тамъ. Мѣстами эти вспышки разгорались въ серьезные бунты, требовавшіе примѣненія военной силы. Одинъ изъ этихъ бунтовъ, въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, принялъ такой

грозный характеръ, и захватилъ такой широкій районъ, что замолчать его не представлялось возможнымъ. Аракчеевъ счелъ за лучшее лично написать объ этомъ государю, предпославъ описанію страшныхъ событій лицемѣрное разсужденіе о несовершенствахъ человѣческой природы и всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Онъ увѣрялъ, что съ болью душевной вынужденъ былъ примѣнить мѣры строгости къ своимъ впавшимъ въ заблужденіе поселянамъ. Когда бунтъ былъ усмиренъ, Аракчеевымъ былъ наряженъ военный судъ, приговорившій къ смертной казни 275 человѣкъ. Аракчеевъ велѣлъ наказывать ихъ шпицрутенами, по сорока человѣкъ въ день. «По окончаніи сего наказанія,—доноситъ онъ,—спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каются ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство? Но какъ они единогласно сіе отвергли, то начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, съ согласія моего, приказалъ изъ нихъ взять первыхъ возмутителей и наказать на мѣстѣ же шпицрутенами, а толпа преступниковъ, подъ арестомъ находящаяся, только тогда пришла въ повиновеніе и начала просить помилованія, когда наказано изъ нихъ было 15 человѣкъ...» «Послѣ сего приказалъ я представить къ себѣ находившихся подъ ихъ присмотровъ, на общественной полковой работѣ, 438 нижнихъ чиновъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ, бывшихъ въ числѣ ослушниковъ, и отобралъ изъ нихъ зачинщиковъ, отправилъ оныхъ подъ арестъ, а остальнымъ объявилъ, чтобъ кающіеся въ своемъ преступленіи немедля пали на колѣни и просили прощенія. Къ удовольствію моему сіе исполнилось въ одно мгновеніе...»

Этимъ Аракчеевъ считалъ дѣло благополучно оконченнымъ, хотя все же изъ предосторожности, «не бывъ совершенно увѣренъ въ точномъ душевномъ раскаяніи всѣхъ жителей» города, которыхъ

было около 10 тысячъ, онъ оставилъ тамъ военный постой.

Императоръ отвѣтилъ на это донесеніе выраженіемъ благодарности и сочувствія Аракчееву. «Съ одной стороны,—писалъ онъ,—могъ я въ надлежащей силѣ цѣнить все, что твоя чувствительная душа должна была претерпѣть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился. Съ другой, умѣю я также и цѣнить благоразуміе, съ коимъ ты дѣйствовалъ въ сихъ важныхъ происшествіяхъ. Благодарю тебя искренно и отъ всего сердца».

—

Отгородившись отъ всего міра и смотря на все глазами Аракчеева и Фотія, Александръ не представлялъ себѣ, какой опасности онъ подвергаетъ страну, отдавая ее въ руки солдата и изувѣра.

Прежде всего и сильнѣе всего наступившую въ общемъ ходѣ дѣлъ перемѣну почувствовала армія. Этому въ значительной степени способствовали европейскія войны, впервые непосредственно познакомившія русское офицерство съ строемъ жизни европейскихъ государствъ. Тѣ либеральныя начинанія, которыя такъ робко и неувѣренно вводились въ жизнь сотрудниками Александра въ первые годы его царствованія, здѣсь уже давно пустили корни и давали прекрасные результаты. Изъ Европы большинство офицеровъ возвращалось, одушевленное надеждами увидѣть и въ Россіи дальнѣйшій ростъ и расцвѣтъ этихъ благихъ начинаній. Но дома ихъ ждали, вмѣсто того, увольненіе всѣхъ либеральныхъ государственныхъ дѣятелей, закрытіе всѣхъ обществъ, задававшихся широкими, гуманными и просвѣтительными цѣлями, преслѣдованіе всякой свободной мысли и свободнаго слова, шпіонство, а въ качествѣ положительной реформы — военныя поселенія.

Въ обществѣ воцарились страхъ и молчаніе. «Куда дѣвался либерализмъ? — задавалъ себѣ вопросъ одинъ изъ современниковъ. — Онъ исчезъ, какъ будто ушелъ въ землю; все умолкло. Но тогда то именно онъ и началъ дѣлаться опаснымъ». Дѣйствительно, закрытіе масонскихъ ложъ повело за собой только возникновеніе другихъ еще болѣе тайныхъ обществъ, которыя вскорѣ подверглись той же участи и съ тѣмъ же результатомъ. Наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ былъ «Союзъ благоденствія», состоявшій почти исключительно изъ гвардейскихъ офицеровъ. Общество это ставило себѣ цѣлью распространеніе просвѣщенія и гуманности. Политическія его стремленія носили самый неопредѣленный либеральный характеръ и никакихъ непосредственныхъ политическихъ задачъ оно себѣ не ставило. И все таки члены общества стали подвергаться преслѣдованіямъ и, въ концѣ концовъ, были вынуждены закрыть общество. Но на мѣстѣ закрытаго общества немедленно же возникали другія, на этотъ разъ еще болѣе конспиративныя и уже далеко не такъ чуждавшіяся политики. Это были такъ называемые Сѣверный и Южный союзъ. Главными дѣятелями Сѣвернаго Союза были: Никита Муравьевъ, Николай Тургеневъ и Рылѣевъ. Въ Южномъ союзѣ руководящая роль принадлежала Пестелю. Оба эти союза ставили себѣ цѣлью—введеніе въ Россіи представительнаго образа правленія, при чемъ Сѣверный союзъ отличался болѣе умѣреннымъ направленіемъ и стоялъ за конституціонную монархію, въ Южномъ же получили значительное распространеніе республиканскія идеи. Но никакой опредѣленной практической программы въ обществѣ выработано не было, и оно еще далеко не успѣло принять форму политическаго заговора, когда о немъ уже поступилъ доносъ и Аракчееву, и государю; доносчикомъ явился И. В. Шервудъ, англичанинъ по проис-

хожденію, отецъ котораго переселился въ Россію, на вновь открытую ткацкую фабрику.

Молодой Шервудъ получилъ хорошее образованіе и поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся. Въ началѣ 1825 года онъ былъ унтеръ-офицеромъ, но, благодаря своему образованію и знанію иностранныхъ языковъ, былъ принятъ въ обществѣ офицеровъ. Лѣтомъ 1825 года Шервудъ былъ посланъ съ порученіемъ къ графу Булгари, и тамъ случай натолкнулъ его на нѣкоторыя свѣдѣнія, которыми онъ сумѣлъ ловко воспользоваться. Онъ самъ съ полной откровенностью разсказывалъ, какимъ образомъ онъ впервые узналъ о существованіи въ Россіи тайнаго общества.

Шервудъ явился въ квартиру графа Булгари рано утромъ, когда графъ еще не вставалъ, и сѣлъ ожидать его въ сосѣдней съ его спальней комнатѣ, съ полуоткрытой дверью. Черезъ нѣсколько времени въ комнатѣ послышались голоса; оказалось, что графъ былъ тамъ не одинъ.

«Что, графъ, спишь?—спросилъ незнакомый Шервуду голосъ. Графъ отвѣчалъ, что не спитъ и думаетъ о вчерашнемъ разговорѣ. «Что же, по твоему мнѣнію, — спросилъ онъ, въ свою очередь,—было бы самое лучшее для Россіи?»

— Самое лучшее, конечно, конституція,—отвѣчалъ его собесѣдникъ.

«Графъ захохоталъ громко, промолвивъ:

— Конституція для медвѣдей.

«Неизвѣстный:—Нѣтъ, позвольте, графъ, вамъ сказать, конституція, примѣненная къ нашимъ потребностямъ и къ нашимъ обычаямъ.

«И затѣмъ, онъ началъ излагать какую-то конституцію».

Вскорѣ послѣ этого Шервудъ велѣлъ доложить графу о себѣ, и тотъ попросилъ его войти. Неизвѣстный оказался Вадковскимъ.

«Вы служите въ военномъ поселеніи? — спросилъ онъ Шервуда.—Каково у васъ тамъ?

«Я отвѣчалъ: — Не совсѣмъ хорошо; мало даютъ времени хозяевамъ для полевыхъ работъ; отъ этого терпятъ большой недостатокъ, ихъ замучили постройками.

«Вадковскій: — Значитъ, поселяне очень недовольны?

«Я:—Очень.

«Вадковскій:—Ну, каково офицерамъ?

»Я: — Конечно, офицерамъ лучше, но во обще, всѣ недовольны; вы знаете, Аракчеевъ шутить не любитъ».

Заключивъ изъ этого разговора, что Шервудъ также недоволенъ русскими порядками, какъ и онъ, Вадковскій сталъ съ нимъ откровеннѣе и сообщилъ ему, что существуетъ общество офицеровъ, обсуждающее положеніе вещей и мѣры борьбы съ нимъ. Шервудъ уклонился отъ болѣе подробнаго разговора и пообѣщалъ пріѣхать въ Курскъ, гдѣ стоялъ полкъ Вадковскаго, спеціально для бесѣды по этому предмету.

Но ждать этого разговора Шервудъ счелъ излишнимъ. Полученныя имъ свѣдѣнія показались ему настолько интереспыми, что онъ не рѣшился откладывать сообщеніе ихъ, опасаясь, какъ бы кто-нибудь другой не отнялъ у него чести личнаго доноса.

Немедленно же онъ написалъ лично государю письмо, прося допустить его для сообщенія крайне важныхъ свѣдѣній и отправилъ это письмо лейбъ-медику государя, Вилліе. Вскорѣ послѣ этого за нимъ явился фельдъегерь Аракчеева и препроводилъ его прямо въ Грузино, къ временщику.

Аракчеевъ принялъ его довольно милостиво и, узнавъ, что онъ не русскій по происхожденію, сказалъ: «Ну, да, ты англичанинъ, а у насъ въ русской службѣ дѣлается такъ: когда унтеръ-офицеръ хочетъ о чемъ писать государю императору, онъ долженъ придти передать письмо своему взводному командиру, взводный коман-

диръ передалъ бы эскадронному; эскадронный—полковому, тотъ—бригадному, бригадный—дивизіонному, дивизіонный —корпусному, корпусный—мнѣ, а я бы представилъ государю императору.

«Шервудъ:—Ваше сіятельство, смѣю ли я сдѣлать вамъ вопросъ.

«Графъ:—Говори, братецъ.

«Шервудъ: — Если я не хотѣлъ, чтобы ни взводный, ни корпусный, ни даже ваше сіятельство объ этомъ знали, какъ бы вы, ваше сіятельство, приказали мнѣ поступить въ такомъ случаѣ?

«Графъ остановился, долго смотрѣлъ на Шервуда, выпустивъ его руку, и сказалъ:

— Ну, братецъ, въ такомъ случаѣ ты очень умно поступилъ, но ты, братецъ, знаешь, что я все-таки твой начальникъ; ты, вѣрно, знаешь, какъ я преданъ государю, а потому, скажи мнѣ, въ чемъ дѣло и что хочешь сообщить государю?

«Шервудъ: — Я очень хорошо знаю, ваше сіятельство, что вы мой начальникъ, увѣренъ въ преданности вашей государю императору, но смѣю васъ увѣрить, какъ честный человѣкъ, что это дѣло не касается ни до вашего сіятельства, ни до военныхъ поселеній, рѣшительно ни до чего, кромѣ собственно государя императора, а потому, ваше сіятельство, за что хотите меня лишить счастія лично объяснить дѣло государю императору?

«Графъ: — А, ну въ такомъ случаѣ, я и спрашивать не буду, поѣзжай съ Богомъ!».

Эти слова такъ растрогали Шервуда, что онъ не въ состояніи былъ больше удерживаться и разсказалъ все, что зналъ Аракчееву. Послѣ этого графъ отправилъ его въ Петербургъ, прямо на квартиру Клейнмихеля, который долженъ былъ не спускать съ него глазъ до тѣхъ поръ, пока государь не пожелаетъ допустить его.

Черезъ нѣсколько дней Шервудъ былъ при-

глашенъ во дворецъ, и впослѣдствіи слѣдующимъ образомъ изложилъ происшедшій у него разговоръ:

«Государь: — Ты мнѣ писалъ. Что хочешь мнѣ сказать?»

— Ваше величество! Полагаю, что противъ спокойствія Россіи и вашего величества существуетъ заговоръ!

«Государь:—Почему ты такъ полагаешь?»

Шервудъ подробно разсказалъ все, что ему удалось слышать и подслушать, и государь, немного подумавши, сказалъ:

«—Да, твои предположенія могутъ быть справедливы... Чего же эти... хотятъ? Развѣ имъ такъ худо?

«Я отвѣчалъ государю, что съ жиру собаки бѣсятся.

«Государь меня спросилъ: — Какъ ты полагаешь, великъ этотъ заговоръ?

«Я отвѣчалъ.—Ваше величество, по духу и разговорамъ офицеровъ вообще, а въ особенности 2-й арміи, полагаю, что заговоръ долженъ быть распространенъ довольно сильно».

Разговоръ продолжался еще нѣкоторое время государь предложилъ Шервуду нѣсколько вопросовъ о настроеніи военныхъ поселянъ, на что Шервудъ принужденъ былъ отвѣтить, что недовольство въ этой части арміи очень распространено; въ концѣ-концовъ государь предложилъ Шервуду изложить письменно, какъ онъ предполагаетъ открыть весь заговоръ, и затѣмъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній государя.

Шервудъ немедленно описалъ свой планъ дѣйствій, состоящій въ томъ, чтобы черезъ посредство Вадковскаго стать членомъ общества и, такимъ образомъ, разузнать все, что тамъ дѣлается и что имѣется въ виду въ ближайшемъ будущемъ, главнымъ же образомъ, составить по возможности полный списокъ членовъ общества. Государь вполнѣ одобрилъ такой образъ

дѣйствій, и 27-го іюля 1825 года Шервудъ получилъ отъ Аракчеева отпускъ изъ своего полка съ правомъ проживанія во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи.

Государь былъ, видимо, очень взволнованъ, сообщенными ему свѣдѣніями; тѣмъ не менѣе, благодаря своей всегдашней подозрительности, онъ не рѣшился подѣлиться ими съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ Аракчеева, и, поручивъ Шервуду продолжать свои наблюденія, спряталъ его доносъ, такъ же какъ и докладъ Бенкендорфа о Союзѣ Благоденствія въ свой столъ, гдѣ тотъ и другой были найдены уже послѣ смерти государя.

ГЛАВА X.

Послѣдніе дни Александра.

Въ концѣ лѣта 1825 года императрица Елизавета Алексѣевна стала чувствовать себя такъ плохо, что врачи нашли необходимымъ для нея провести зиму гдѣ-нибудь на югѣ и остановили свой выборъ на Таганрогѣ. Государь рѣшилъ прожить это время съ ней. Отъѣздъ былъ назначенъ на 1-е сентября. Передъ этимъ императоръ съ помощью Голицына привелъ въ порядокъ свои бумаги и сдѣлалъ ему нѣкоторыя распоряженія. Воспользовавшись этимъ, Голицынъ замѣтилъ, что, быть можетъ, лучше было бы, уѣзжая на такой долгій срокъ, обнародовать актъ объ измѣненіи престолонаслѣдія, подписанный государемъ въ 1823 году и хранившійся въ запечатанномъ конвертѣ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Копіи съ него тоже въ запечатанныхъ пакетахъ имѣлись въ Сенатѣ и въ Синодѣ, но о содержащемся въ этихъ пакетахъ манифестѣ никто не зналъ. Голицынъ

указывалъ государю, что этого требуетъ осторожность, чтобы въ случаѣ всегда возможнаго несчастія, не вызвать лишнихъ осложненій.

«Положимся на Бога,—отвѣтилъ государь,—Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ».

1-го сентября, поздней ночью, Александръ безъ всякой свиты, въ дорожной коляскѣ выѣхалъ изъ Каменноостровскаго дворца, чтобы никогда болѣе не возвращаться въ него. По дорогѣ онъ рѣшилъ заѣхать въ Александро-Невскую лавру, прослушать тамъ напутственный молебенъ. Посѣщеніе лавры произвело глубокое впечатлѣніе на мистически-настроенный умъ императора. По окончаніи молебна митрополитъ Серафимъ попросилъ государя зайти на нѣсколько минутъ въ его келью и тамъ сказалъ ему:

— Я знаю, что ваше величество вездѣ жалуете схимниковъ; и въ нашей лаврѣ есть схимникъ; не благоволите ли приказать позвать его?

— Хорошо, позовите,—отвѣчалъ государь.

Схимникъ вскорѣ явился и въ свою очередь сталъ просить государя удостоить своимъ посѣщеніемъ и его келью. Александръ согласился.

«Когда дверь кельи отворилась, мрачная картина представилась глазамъ государя: полъ и всѣ стѣны до половины были обиты чернымъ сукномъ, съ лѣвой стороны у стѣны виднѣлось большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ; у другой стѣны находилась длинная черная скамейка; лампада, горѣвшая передъ иконами, тускло освѣщала печальное жилище схимника.

«При входѣ императора схимникъ палъ передъ Распятіемъ, читая молитву и въ то же время обратясь къ своему высокому гостю, сказалъ: «Государь, молись!» Александръ положилъ три земныхъ поклона, а схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпускъ и осѣнилъ государя».

Послѣ этого государь сѣлъ на скамью и,

предложивъ сѣсть рядомъ съ нимъ митрополиту и схимнику, спросилъ Серафима, гдѣ же спитъ схимникъ.

— Спитъ онъ на томъ же полу, на которомъ молится, — отвѣчалъ митрополитъ, — предъ симъ самымъ Распятіемъ.

Но схимникъ, услышавъ эти слова, возразилъ:

— Нѣтъ, государь, и у меня есть постель, пойдемъ, я покажу тебѣ ее.

«Съ этими словами онъ повелъ императора за перегородку, гдѣ представилось поразительное для государя зрѣлище: на столѣ стоялъ черный гробъ, въ которомъ лежали схима, свѣчи и все относящееся къ погребенію.

— Смотри,—сказалъ схимникъ,—вотъ постель моя, и не моя только, а постель всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать долго.

Когда государь отошелъ отъ гроба, схимникъ обратился къ нему со слѣдующими словами:

— Государь, я человѣкъ старый и многое видѣлъ на свѣтѣ; благоволи выслушать мои слова. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились; въ 1812 году наступило время исправленія и набожности, но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты —государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты—сынъ православной церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хощетъ Господь Богъ нашъ.

— Многія длинныя и краснорѣчивыя рѣчи слышалъ я,—сказалъ государь, обратившись къ митрополиту,—но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ краткія слова сего старца.

Простившись со схимникомъ и митрополитомъ, государь сѣлъ въ коляску и обратившись ко всѣмъ, сказалъ со слезами на глазахъ:

— Помолитесь обо мнѣ и о моей женѣ!

Этотъ открытый гробъ и отрѣшившійся отъ

міра схимникъ были послѣдними впечатлѣніями государя передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ почувствовалъ въ этомъ нѣчто пророческое и въ грустномъ настроеніи покинулъ столицу.

Въ Таганрогѣ онъ первое время чувствовалъ себя очень хорошо. Ему нравилась простая жизнь и отсутствіе стѣснительнаго дворцоваго этикета. Вскорѣ вслѣдъ за нимъ туда пріѣхала и императрица Елизавета Алексѣевна, и тутъ, впервые послѣ долгихъ лѣтъ, онъ снова сблизился съ женой.

Но не прошло и десяти дней по пріѣздѣ государя въ Таганрогъ, какъ его хорошее настроеніе было нарушено. Онъ узналъ вещь, крайне встревожившую и огорчившую его. 22-го сентября онъ получилъ извѣстіе о томъ, что въ Грузинѣ крестьяне графа Аракчеева убили его экономку и любовницу, Настасью Минкину. Вслѣдъ затѣмъ пришло и письмо отъ самого Аракчеева.

«Батюшка, Ваше Величество!—писалъ онъ.—Случившееся со мною несчастье потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило, что я одной смерти себѣ желаю и ищу, а потому и дѣлами никакими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню, но отсюда уѣду».

Вмѣстѣ съ этимъ Аракчеевъ передалъ всѣ дѣла, бывшія въ его завѣдываніи, генералъ-маіору Эйлеру и статсъ-секретарю Муравьеву, прося не докладывать ему болѣе ни о чемъ и поручая имъ даже распечатывать собственноручныя письма государя.

Императоръ былъ настолько пораженъ постигшимъ его друга несчастьемъ, что не обратилъ особаго вниманія на такія незаконныя

распоряженія графа и написалъ ему полное сочувствія письмо.

«Ты мнѣ пишешь,—читаемъ мы въ этомъ письмѣ,—что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать. Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ.

«Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть для тебя святого, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ. Я далекъ отъ того, чтобы желать отъ тебя продолженія трудовъ твоихъ въ первое время твоей грусти. Дай себѣ все нужное время на нѣкоторое успокоеніе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ своихъ, вспомни, сколь много тобою произведено и сколь требуетъ все оное довершенія.

«Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга, вѣрнаго тебѣ друга».

Происшествіе это оказало сильное вліяніе на императора. Послѣ смерти Александра князь Волконскій писалъ Закревскому:

«Проклятый змѣй и тутъ отчасти причиною сего несчастія мерзкою своею исторіей и гнуснѣйшимъ поступкомъ, ибо въ первый день болѣзни государь занимался чтеніемъ полученныхъ имъ бумагъ отъ змѣя и вдругъ почувствовалъ ужаснѣйшій жаръ, вѣроятно, происшедшій отъ досады, слегъ въ постель и болѣе уже не вставалъ. Не правду ли я говорилъ вамъ, что извергъ сей губитъ Россію и погубитъ государя, который узнаетъ всѣ его неистовства, но поздно; вотъ предчувствіе мое и сбылось».

Дѣйствительно, государь не долго прожилъ послѣ полученія этою извѣстія, хотя, быть мо-

жетъ, между нимъ и смертью государя и не было такой непосредственной связи, какъ предполагалъ Волконскій.

Въ половинѣ октября государь чувствовалъ себя еще настолько хорошо, что рѣшилъ предпринять небольшое путешествіе въ Крымъ. Наканунѣ отъѣзда ничтожное обстоятельство вновь пробудило въ немъ суевѣрныя предчувствія, съ которыми онъ пускался въ путешествіе на югъ. Среди дня надъ городомъ пронеслась такая черная грозовая туча, что стало темно заниматься, и государь позвонилъ лакею и попросилъ подать свѣчи. Черезъ нѣсколько времени туча прошла, и лакей хотѣлъ убрать свѣчи.

— Зачѣмъ это?—спросилъ государь. Лакей отвѣтилъ, что русскій народъ считаетъ дурной примѣтой сидѣть днемъ со свѣчами, такъ какъ это напоминаетъ свѣчи, зажигаемыя надъ покойникомъ. Во время своей болѣзни государь не разъ вспоминалъ объ этихъ свѣчахъ.

Изъ Крыма императоръ вернулся 5-го ноября уже больной, повидимому, схвативъ тамъ крымскую лихорадку. Двѣ недѣли длилась тяжелая болѣзнь, Елизавета Алексѣевна почти неотлучно находилась при мужѣ, и ему ея присутствіе, видимо, доставляло облегченіе. Несмотря на всѣ усилія врачей и на здоровый организмъ государя, болѣзнь не уступала, и 19 ноября, въ 11 часовъ утра, императоръ скончался.

Въ тотъ же день Елизавета Алексѣевна писала своей матери:

«О, матушка! Я самое несчастное существо на землѣ. Я хотѣла только сказать вамъ, что я осталась въ живыхъ послѣ потери этого ангела, страшно измученнаго болѣзнью и который, тѣмъ не менѣе, постоянно находилъ для меня улыбку или ласковый взглядъ даже тогда, когда онъ не узналъ никого. О, матушка, какъ я не-

счастна, какъ вы будете страдать вмѣстѣ со мною! Великій Боже! Что за судьба!»

Къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ судьба, дѣйствительно, была жестока. Всю жизнь она видѣла равнодушіе и холодность со стороны того, кому отдала свое сердце, и когда, наконецъ, что-то теплое мелкнуло между ними, мужъ ея умеръ.

Такъ въ далекомъ Таганрогѣ закончилось это блестящее, но полное противорѣчій царствованіе. На начало его бросило мрачный отсвѣтъ преступленіе, но это не ослабило общаго энтузіазма населенія, которое привѣтствовало его съ вѣрою и надеждой. Нѣкоторое время казалось, что вѣра эта не напрасна. Давно Россія не дышала такъ легко и не слышала съ высоты престола такихъ прекрасныхъ ободряющихъ словъ. Но слова эти не превратились въ дѣла. Внѣшній блескъ и безпримѣрное могущество въ международныхъ отношеніяхъ не отвѣчали внутреннему росту страны. Прекрасныя обѣщанія оставались невыполненными, и мрачная, тѣнь, заполнившая душу императора, мало-по-малу темной тучей нависла надъ Россіей. Молодые ростки новой жизни были убиты морозомъ и то, что, казалось, должно было разростись, окруженное заботливымъ уходомъ, принуждено было уйти подъ землю и тамъ въ трудныхъ и ненормальныхъ условіяхъ продолжать свой неизбѣжный ростъ. Свѣтлыя надежды и общее ликованье, встрѣтившія молодого императора, смѣнились къ концу страхомъ и недоумѣньемъ, грозившими перейти въ общую непріязнь. Среди значительной части народа и войскъ зарождалось подъ вліяніемъ военныхъ поселеній глухое недовольство, прорывавшееся то тутъ, то тамъ бунтами, въ высшихъ кругахъ арміи назрѣвалъ заговоръ. И въ этотъ моментъ, когда напряженіе достигало крайней степени и въ воздухѣ чувствовалось тревожное ожиданіе, на далекой окраинѣ, въ глухомъ городкѣ вне-

запно умеръ императоръ, казалось, еще полный здоровья и силъ.—Страну онъ оставлялъ въ броженіи, престолъ безъ наслѣдника,—вопросъ о престолонаслѣдіи официально не былъ рѣшенъ. Что-то было во всемъ этомъ странное, почти мистическое, сильно поразившее народное воображеніе. Не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, чтобъ такъ внезапно могла оборваться эта жизнь, такъ много сулившая и такъ глубоко разочаровавшая. Народная фантазія еще сгустила таинственность, окружившую смерть императора и вскорѣ создала долго жившую въ народной средѣ легенду. Императоръ не умеръ,—утверждала эта легенда, онъ только отказался отъ трона и ушелъ въ далекую Сибирь замаливать свои и народные грѣхи. Появленіе въ Сибирской глуши какого-то невѣдомаго старца, Ѳедора Кузмича, долго питало эту легенду и никакія доказательства не могли ее развѣять.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	Воцареніе Александра. Свѣтлыя дни . .	3
II.	Тайный комитетъ.	18
III.	Первые шаги въ области внѣшней политики	32
IV.	Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. . .	39
V.	Александръ и Наполеонъ	59
VI.	Александръ—освободитель Европы . .	81
VII.	Семья Императора Александра. . . .	88
VIII.	Полоса мистицизма	97
IX.	Аракчеевская эпоха	106
X.	Послѣдніе дни Александра	120